

Дом Белой Луны

по мотивам Легендарной Тотики

Аркадий Мантев

Аркадий Лаптев
Дом Белой Луны

«Автор»

2026

Лаптев А. П.

Дом Белой Луны / А. П. Лаптев — «Автор», 2026

Фома, высший вампир и Барон Древнего Лагеря, проникает в Дом Белой Луны — готический замок-склеп, обитель Древних. Его цель — найти правду о предательстве, расколовшем вампирский род. Но амулет раба лишает его силы, а разум становится игрушкой в руках безжалостного Юверина. Преданный, отравленный, выжженный солнцем и исцелённый ценой собственной вампирской сущности, он становится Изгоем — человеком, чей запах внушает вампирам неодолимое отвращение. Теперь Фома должен объединить людей, гелов-людоедов и немногих союзников-вампиров, чтобы остановить Юверина, готовящего истребление всего живого под знаменем Красной Луны. Но битва оборачивается ловушкой, и тот, кого Фома называл отцом, погибает у него на глазах. Готическое тёмное фэнтези о падении, возрождении и пути, где единственной защитой становится проклятие.

© Лаптев А. П., 2026

© Автор, 2026

Аркадий Лаптев

Дом Белой Луны

Дом Белой Луны

Книга вторая

Пролог

Он стоял в чреве старой башни, и тьма вокруг была не просто отсутствием света — она была живой, влажной, дышащей. Фома провёл ладонью по шершавому камню, ощущая, как холод просачивается сквозь трещины, словно сама кладка сочилась вековой сыростью. Здесь, в этом забытом бастионе посреди болот, время текло иначе — густо, медленно, как топкая жижа, что подступала к подножию стен.

Он поднял голову. Сквозь пролом в своде сочился призрачный свет — не лунный, не звёздный, а тот особенный, зеленовато-бледный, какой бывает лишь над гнилыми топями, где сама земля источает мертвенное свечение. Башня молчала, но в её молчании слышалось эхо давно умолкших голосов — возможно, прежних хозяев, возможно, жертв.

Фома опустил на корточки и извлёк из складок своего чёрного балахона две стеклянные бутылки. Тёмная, почти чёрная жидкость в них была неподвижна. Кровь душегуба. Кровь серийного убийцы. Последнее, что связывало его с Древним лагерем, с прошлой жизнью, с человеческой слабостью, которую он давно перерос. Теперь он был высшим вампиром, Бароном Древнего Лагеря, повелителем ночи — и всё же какая-то часть его, та самая, что когда-то звалась просто Фомой-ремесленником, подсказывала: не бери с собой всё. Оставь якорь. Оставь резерв.

Он осмотрел стены. В углу, там, где винтовая лестница уходила вверх, каменная кладка пошла трещиной, и образовалась неглубокая ниша — достаточно глубокая, чтобы спрятать две бутылки, и достаточно незаметная, чтобы случайный взгляд скользнул мимо. Фома бережно уложил стекло в каменное чрево, присыпал сверху трухой, куском отвалившейся штукатурки. Теперь здесь, в этом забытом месте, хранился его неприкосновенный запас — две порции живой крови, которые однажды могут стать спасением.

Он выпрямился. Интерфейс молчал — да и что ему было говорить? Все характеристики достигли потолка, мана была бесконечна, а здоровье... здоровье теперь измерялось не ударами сердца, а жаждой, которая пока что мирно дремала в груди, насыщенная кровью Барона Разеса. Фома коснулся рукой груди — там, под чёрной тканью, не билось ничего. Тишина. Абсолютная, мёртвая тишина внутри.

Он шагнул к выходу — пролому, заменявшему дверь, — и замер на пороге.

Болота открылись перед ним во всей своей удушающей, невыразимой тоске.

Никогда прежде он не видел такого неба. Оно было серым, как старая мешковина, и висело так низко, что, казалось, до него можно дотянуться рукой. Над бескрайним пространством стоячих вод и гниющих кочек стелился зеленоватый туман — не просто дымка, а плотная, осязаемая пелена, пропахшая гнилью и чем-то сладковатым, похожим на запах разлагающейся плоти. Туман этот не был неподвижен: он медленно колыхался, перетекал с места на место, словно дышало само болото, и в этом дыхании чудилась угроза.

Кваканье лягушек разносилось над топью — но не то звонкое, бодрое кваканье, какое можно услышать летней ночью у чистого пруда. Здесь лягушки кричали глухо, надсадно, с хрипотцой, будто захлёбывались болотной жижей. Их голоса сливались в монотонный, ритмичный хор, похожий на биение больного сердца, и этот хор не умолкал ни на секунду, проникая в самые кости, обволакивая сознание липкой паутиной первобытного страха.

Фома перевёл взгляд. Повсюду, насколько хватало глаз, из мутной воды торчали деревья — мёртвые, скрюченные, почерневшие. Их стволы были покрыты слизью и наростами, похо-

жими на язвы, а голые ветви тянулись к небу, точно руки утопленников, молящих о спасении. Некоторые деревья ещё сохранили остатки листвы, но и она была не зелёной, а какой-то серо-бурой, тронутой тлением, и свисала с веток безжизненными клочьями, словно волосы покойников. От каждого дерева веяло смертью, и казалось, что они не просто растут из болота, а медленно в него погружаются, умирая второй смертью.

Между кочками, покрытыми чахлой травой и ядовито-зелёным мхом, блестели оконца воды — чёрной, маслянистой, неподвижной. Временами на поверхности вспучивался пузырь, лопался с влажным чмоканьем, и в воздух поднималось облачко зеленоватого пара. Где-то вдалеке раздался тяжёлый всплеск, и по воде пошли круги — нечто крупное, скрытое под толщей, шевельнулось и замерло.

Болотные крокодилы. Фома заметил одного: он лежал на илистой отмели, полупогружённый в грязь, и его бугристая спина напоминала замшелое бревно. Чешуйчатая броня отливала болотной зеленью, а холодные, немигающие глаза с вертикальными зрачками следили за всем и ни за чем одновременно. Крокодил не двигался, но в этой неподвижности таилась абсолютная, доведённая до совершенства готовность к броску. Рядом с ним, в мутной воде, колыхалось нечто ещё более крупное — массивная туша, угадываемая лишь по смутному силуэту и двум бугоркам-ноздрям, выставленным над поверхностью.

Чуть дальше, на ветке полусгнившего дерева, свернулась кольцами огромная змея. Её тело, толщиной с человеческий торс, отливало маслянистым блеском, а чешуя была цвета старой бронзы с тёмными разводами. Змея висела неподвижно, точно лиана, но треугольная голова с немигающими жёлтыми глазами была повёрнута в сторону башни. Она смотрела. Ждала. И Фома кожей ощутил холодный, расчётливый интерес, исходивший от этой твари.

Воздух над болотом гудел. Болотные шершни — толстые, с палец величиной, с чёрно-зелёными полосатыми брюшками и прозрачными крыльями, бьющими с низким, вибрирующим звуком, — носились над кочками, сталкивались, дрались, жалили всё живое, что попало на пути. Их гнёзда, похожие на серые наросты, свисали с мёртвых деревьев, и каждое такое гнездо было окружено облаком разъярённых насекомых. Одно неосторожное движение — и это облако обрушится на жертву тысячей ядовитых жал.

Фома вдохнул — и тут же пожалел об этом, потому что вместе с воздухом в лёгкие проникла вся гнилостная сырость болота: запах разлагающейся растительности, застоявшейся воды, металлический привкус тины и что-то ещё, сладковатое и тошнотворное, — запах смерти. Запах безысходности.

Он опустил взгляд под ноги. Прямо от порога башни в туман уходила каменная дорожка — узкая, выложенная из грубо отёсанных плит, потемневших от времени и покрытых слизью. Она змеилась между топей, местами уходя под воду, местами всплывая вновь, и исчезала в зеленоватой дымке далеко впереди. Вдоль дорожки, через равные промежутки, торчали из грязи покосившиеся столбы, увенчанные металлическими чашами. В чашах горели факелы — но не обычным, живым огнём. Их пламя было зеленоватым, холодным, колдовским. Оно не трепетало на ветру, потому что ветра здесь не было вовсе, а лишь ровно, гипнотически мерцало, отбрасывая на мутную воду дрожащие изумрудные блики. Эти огни не рассеивали мрак, а скорее сгущали его, создавая вокруг себя ореолы призрачного, нездорового свечения.

В этом свете Фома увидел их.

Людоеды.

Далеко, у самого края видимости, на островке посреди топи, стояли три фигуры. С первого взгляда их можно было принять за людей — но лишь с первого. Они были огромны: каждый ростом под два с половиной метра, а то и больше. Их тела, лишённые какой-либо одежды, казались вылепленными из грубой, необожжённой глины. Кожа — если это можно было назвать кожей — висела на них отвратительными складками, тяжёлыми, бугристыми, как

будто существа эти когда-то были ещё крупнее, а потом иссохли, оставив лишь костяк и этот чудовищный кожаный мешок. На ощупь она, должно быть, напоминала мозоль — твёрдую, ороговевшую, лишённую чувствительности. В некоторых местах кожа лопнула, и в трещинах виднелось что-то чёрное, шевелящееся — не то внутренности, не то паразиты, гнездящиеся в живом доспехе.

Их лица — о, их лица были обращены в сторону башни. Глубоко посаженные глаза горели тусклым, голодным огнём, а рты, усеянные редкими жёлтыми зубами, приоткрывались в беззвучном дыхании. Они не двигались. Они просто стояли и смотрели. Твари болот, порождённые Пеленой, а может, и чем-то более древним. Они не носили оружия, потому что их руки, заканчивающиеся массивными, похожими на кувалды кулаками, сами были оружием, способным раздробить череп одним ударом.

Фома смотрел на них, и даже его вампирское сердце, безмолвное и холодное, сжалось от гадливого, ледящего чувства. Не страх. Нет. Страх — это для живых. Это было нечто иное — предчувствие. Знание того, что эти твари не нападают первыми лишь потому, что ждут. Что они здесь, на болотах, — хозяйева, а он — пришелец, незваный гость, ступивший на их земли. И где-то там, в сердце топей, их гораздо, гораздо больше.

Он перевёл взгляд вдаль, туда, куда вела каменная дорожка. Там, над туманом, на фоне вечно серого неба вздымались скалы. Чёрные, отвесные, они поднимались из болота, словно клыки какого-то исполинского зверя, погребённого под землёй. И на этих скалах, врезанные в камень, вырастая из него, громоздились стены и башни Дома Белой Луны. Их очертания были суровы и аскетичны: ни шпилей, ни статуй, ни украшений. Только камень — чёрный, блестящий от сырости, иссечённый временем и магией. Узкие окна-бойницы светились бледным, мертвенным светом — тем самым зеленовато-белым, что струился и от факелов на дорожке. Казалось, будто сама крепость источает это сияние, будто она — гигантский гниющий гриб, прилепившийся к скалам и пульсирующий в такт дыханию болота.

Ворота цитадели были едва различимы в тумане — две массивные створки, окованные металлом, над которыми тускло, горел какой-то символ. Расстояние до них было обманчивым в этом мареве: могло быть несколько сотен шагов, а могло быть и несколько вёрст. Дорожка уходила в зелёную мглу, и Фома знал, что каждый шаг по ней будет шагом в неизвестность.

Тишина висела над болотами — та особенная, давящая тишина, которая наступает, когда смолкают даже лягушки. В этой тишине каждый звук казался преувеличенным, угрожающим. Собственное дыхание. Шорох балахона. Скользящий хлюп воды под каменной плитой. И где-то там, за пеленой тумана, — едва уловимый, низкий, гортанный рокот. Не то звериный рык, не то голос людоедов, перекликающихся друг с другом.

Фома оглянулся на башню. Последний оплот знакомого мира. Там, в Древнем лагере, у него были союзники: Марта, Крест, Бьёрн, Коржик. Там он был Бароном, повелителем, вершителем судеб. Здесь же, на Болотах, его могущество было под вопросом — не потому, что он стал слабее, а потому, что сама земля здесь была враждебна. Она источала древнюю, первобытную силу, не подвластную никому — ни вампирам, ни магам, ни людям. Здесь всё подчинялось Болотам. И Дом Белой Луны, возвышающийся над топями, был не просто замком вампиров — он был сердцем этого гнилого, умирающего мира.

Он шагнул на каменную дорожку. Плита под ногой качнулась и ушла в воду, но Фома удержал равновесие — ловкость в сто единиц давала о себе знать. Факел слева от него вспыхнул ярче, словно почувствовав его присутствие, и в этом зелёном свете тени метнулись прочь. Где-то справа, в камышах, что-то зашуршало, затихло. Людоеды на дальнем острове не двинулись с места, но их головы медленно повернулись, провожая его взглядом.

Фома не оглядывался. Он шёл — высший вампир, Барон, повелитель шести кругов магии, обладатель абсолютной невидимости и клинка из чистой тьмы. Он шёл, и его босые

ступни бесшумно касались холодных, склизких камней. Впереди, за пеленой тумана, ждал Юверин. Ждала вторая Великая Сфера. Ждало обещание, данное Гадару.

Но сейчас, в этот самый миг, на этой узкой дорожке между топью и тьмой, Фома вдруг ощутил то, чего не чувствовал давно. Ощутил себя маленьким. Не слабым — нет, сила по-прежнему бурлила в каждой клетке его мёртвого тела. Но маленьким — затерянным в чужом, враждебном мире, где даже воздух был пропитан безысходностью. Где каждый камень, каждое дерево, каждая капля тумана словно шептали: «Ты здесь чужак. Ты здесь никто. Ты умрёшь здесь, как умирали сотни до тебя».

Он улыбнулся — криво, по-волчьи.

Посмотрим.

И туман сомкнулся за его спиной.

Глава 1

Легенда родилась не на ходу — Фома выстраивал её шаг за шагом, пока шёл по каменной дорожке сквозь туман. Он знал: Дом Белой Луны не принимает чужаков просто так. Каждого проверяют, каждого прощупывают — вампирским чутьём, древней магией, ментальными вопросами. И пусть Великая Сфера даровала ему не только Истинную невидимость, но и способность скрывать саму свою суть, легенда всё равно требовалась. Потому что пустота — там, где должна быть аура, — сама по себе вызывает подозрения. Пустоту нужно заполнить.

Он — Фома, торговец из Пустошей. Тех самых Пустошей, что лежат далеко за пределами болот, за горами и высохшими руслами рек, — суровый край, где люди выживают, а не живут, и где караваны ходят только под охраной наёмников. Он — младший сын купеческого рода, не получивший наследства и решивший искать удачу сам. Собрал караван: три телеги с тканями, мехами и пряностями, нанял охрану из пяти мечников, взял проводника-полукровку, знавшего тайные тропы через Болота. Они шли к Древнему Лагерю — там, по слухам, за руду платили серебром, а серебро в Пустошах ценилось превыше всего. Но Болота не прощают. У Змеиной заводи, где вода чёрная и не отражает неба, на них вышли людоеды. Огромные, молчаливые, с кожей, похожей на дублёную мозоль. Охрана полегла в первые мгновения — стрелы не пробивали их шкуру, мечи оставляли лишь белые царапины. Телеги перевернули в топь. Проводника утащили в камыши, и его крик оборвался на самой высокой ноте. Фома бежал. Просто бежал, не разбирая дороги, пока не рухнул без сил на каменную дорожку, ведущую к Дому Белой Луны. И теперь он здесь — без товара, без денег, без людей. Просто человек. Просто торговец, которому некуда идти.

Эту историю он повторял про себя, пока шагал к воротам, оттачивая каждую деталь. Пустоши — достаточно далеко, чтобы никто не стал проверять. Торговля — достаточно скучно, чтобы не вызывать лишних вопросов. Людоеды — достаточно правдоподобно, потому что он видел их собственными глазами. А растерянность в голосе... её даже не придётся играть.

Ворота Дома Белой Луны выросли перед ним из тумана.

Это были не просто ворота — это был вход в иной мир. Две массивные створки, выкованные из чёрного металла, покрытые патиной древности и иссечённые рунами, горели в свете зелёных факелов тусклым, болезненным блеском. Створки были пригнаны к скальной породе с такой точностью, что казалось — они выросли из камня, а не были встроены в него. Над ними, высеченный прямо в скале, висел герб: белая луна, пронзённая тремя мечами, и капли крови, застывшие в камне. Под гербом — надпись на древнем языке, которую Фома не мог прочитать, но смысл её ощущался кожей: «Ты, входящий сюда, оставь надежду».

У ворот стояли двое.

Это были высшие вампиры — стражи, каких не встретишь в Древнем Лагере. Рослые, жилистые, с вытянутыми, словно у хищных птиц, лицами. Их кожа была бледной до синевы, и на скулах проступали тёмные вены, пульсирующие в такт невидимому сердцебиению. Глаза

— глубоко посаженные, с багровыми зрачками, горящими холодным, оценивающим огнём, — смотрели на мир с тем особым высокомерием, какое бывает лишь у тех, кто считает себя вершиной творения. Их рты были чуть приоткрыты, обнажая длинные, желтоватые клыки — верхние и нижние, — которые не убирались, как у Гадара, а торчали постоянно, придавая лицам звериное, нечеловеческое выражение. Но самыми поразительными были их уши — длинные, заострённые, торчащие вверх и чуть в стороны, покрытые тонким слоем бледной кожи и сеткой голубоватых вен. Они двигались независимо друг от друга, ловя каждый звук, каждый шорох, доносящийся из тумана.

Броня на них была не из воронёной стали, как у стражи Барона. Это была кожа — толстая, бугристая, с характерным ромбовидным рисунком. Кожа болотного крокодила, вываренная в масле и усиленная металлическими вставками на плечах и груди. Наплечники, выкованные в форме крокодилийх черепов, скалились мелкими зубами. Пояса, украшенные костяными пластинами, поддерживали ножны с длинными, узкими клинками.

Фома приблизился, и стражи одновременно повернули головы — движение было синхронным, почти механическим, словно ими управляла одна воля.

— Стой, — произнёс первый, и его голос был сухим, как шорох змеиной чешуи. — Кто ты?

Он шагнул вперёд и втянул воздух — долго, глубоко, с присвистом. Его ноздри, узкие и подвижные, затрепетали. Багровые глаза сузились. Он обошёл Фому по дуге, продолжая принюхиваться — к волосам, к балахону, к босым ступням. Его клыки блестели в зелёном свете. Он остановился напротив и заглянул Фоме прямо в лицо.

— Ты... — вампир осёкся. Его брови, тонкие и изогнутые, сошлись к переносице. Он принюхался снова — сильнее, резче, почти уткнувшись носом в щёку Фомы. — Я не чувствую тебя.

Второй страж, до того стоявший неподвижно, тоже приблизился и тоже втянул воздух. Их взгляды встретились — багровый с багровым, — и в этих взглядах читалось непонимание. Они видели перед собой существо: две руки, две ноги, голова, лицо. Но чутьё — безотказное чутьё древних охотников — молчало. Перед ними стоял не человек. Но и не вампир. И не зомби. Словно пустота обрела плоть.

— Я торговец, — произнёс Фома, и его голос дрогнул ровно настолько, насколько нужно для достоверности. — С Пустошей.

— Торговец? — первый страж снова сощурился. — И где же твой товар?

— На дне Змеиной заводи, — Фома опустил глаза, изображая горе. — Людоеды. Они напали на караван. Всех убили. Всё утопили. Я один уцелел.

Стражники переглянулись снова, и на этот раз в их взглядах промелькнуло нечто похожее на понимание. Первый сплюнул — длинный, вязкий плевок, зеленоватый в свете факелов, — и выругался сквозь зубы:

— Да чтоб их, этих людоедов! Уже обнаглели вконец. Раньше у Заводи не промышляли, а теперь, вишь, и туда полезли.

Он помолчал, потом добавил с кривой усмешкой, обнажившей дёсны:

— Но справиться с ними могут только Древние. Наши клыки их шкуру не берут — ни прогрызть, ни проткнуть. А Древние... — он махнул рукой. — Давно махнули на них. Считают, что людоеды — часть экосистемы. Мол, Болота сами разберутся.

Второй страж молчал, продолжая сверлить Фому взглядом.

— Ладно, — произнёс наконец первый. — Жди.

Он повернулся вполоборота и крикнул в темноту двора:

— Виго!

Эхо подхватило имя и понесло его куда-то в глубь цитадели. Прошла минута. Другая. Где-то вдаль хлопнула дверь, зашуршали шаги по каменной крошке, и на свет вышел вампир, не похожий на стражей у ворот.

Виго был ниже ростом, но шире в плечах — кряжистый, сбитый, словно вытесанный из дубового пня. Его лицо было не таким вытянутым, как у стражей, и черты его казались почти человеческими — если бы не глаза. Один глаз у него был багровым, как у всех вампиров, а второй — мёртвым, белёсым, затянутым бельмом, рассечённым поперёк старым шрамом. Шрам этот уходил вниз, через скулу и челюсть, и терялся в воротах кожаного дублета, покрытого множеством карманов и ремешков. Уши у Виго были короче, чем у стражей, и одно из них было разорвано — не хватало верхней трети, будто кто-то когда-то вцепился в него зубами и не разжал.

Виго приблизился к Фоме и остановился в шаге от него. Его единственный живой глаз впился в лицо пришельца. Ноздри дрогнули. Он принюхался — раз, другой, третий, — и его бельмо, казалось, тоже уставилось на Фому, прожигая насквозь.

— Кто ты? — спросил он, и голос его был низким, гортанным, с хрипотцой.

Фома повторил легенду. Слово в слово. Виго слушал, не перебивая, и его лицо оставалось неподвижным. Когда Фома закончил, вампир долго молчал, перекатывая что-то во рту — не то мысль, не то проклятие.

— Ты странный, — произнёс он наконец. — Я тебя не чувствую.

— Я и сам себя не чувствую после нападения людоедов, — усмехнулся Фома, и усмешка вышла почти искренней.

Виго не ответил на усмешку. Он помолчал ещё немного, потом дёрнул плечом — движением, выразившим то ли принятие, то ли безразличие.

— Ладно. В любом случае ты сначала должен пройти карантин. Такой порядок. Приказ Древних.

— Хорошо, — кивнул Фома.

Они вошли в ворота, и Дом Белой Луны открылся перед ним.

Это было место, которое никто не назвал бы домом.

Пространство за воротами представляло собой огромный двор, вымощенный всё теми же грубо отёсанными плитами, потемневшими от сырости и покрытыми липкой, чавкающей под ногами грязью. Двор был обнесён одной стеной — очень высокой, уходящей вверх на три десятка метров, сложенной из чёрного, будто обугленного камня. Стена эта была испещрена трещинами, из которых сочилась влага, и кое-где из щелей росли пучки бледного, бесцветного мха. По верху стены, через равные промежутки, горели всё те же зелёные факелы, и их прозрачное пламя отбрасывало на двор дрожащие, изумрудные тени.

Строения внутри стен напоминали не жилые дома — тюремные бараки. Приземистые, прямоугольные, с плоскими крышами и узкими окнами, забранными коваными решётками. Окна эти не светились — они были чёрными, как глазницы черепа, и лишь в некоторых дрожал слабый, умирающий огонёк свечи. Стены строений были грубо оштукатурены, но штукатурка давно облупилась, обнажив серый, ноздреватый камень. Повсюду висела паутина — толстая, слоистая, провисшая под тяжестью мёртвых насекомых. Она опутывала решётки, углы, дверные проёмы. Ветошь, когда-то бывшая занавесками, свисала с окон грязными, истлевшими лохмотьями, и ветер — слабый, едва ощутимый — шевелил их, создавая иллюзию, будто за окнами кто-то стоит.

В центре двора, над всеми строениями, над стеной, над самым болотом, вздымался замок. Он был чудовищен.

Чёрный, остроконечный, он вырастал из скального основания и устремлялся вверх, к самому небу. Его шпиль — тонкий, как игла, — касался Пелены. Той самой Пелены, что висела

над всем Котлом. И там, где шпиль соприкасался с магическим куполом, по Пелене расходились медленные, ленивые волны — словно круги по воде от брошенного камня. Замок был оплетён паутиной так густо, что казалось, будто он закутан в серый саван. Ни в одном из его окон не горел свет. Он стоял мёртвый. Молчаливый. И от него веяло такой древней, неизбывной тоской, что даже вампирское сердце Фомы — безмолвное и холодное — на мгновение сжалось.

Фома отвёл взгляд от замка, чтобы не выдать себя. Это место не было крепостью. Это был склеп. Склеп, в котором вампиры играли в жизнь.

Виго, шедший впереди, свернул к одному из барачков. Это было приземистое каменное здание с одним-единственным входом — массивной дубовой дверью, обитой ржавыми железными полосами. Окна, забранные частыми решётками, были черны и безмолвны. У двери, опершись на древко алебарды, стоял ещё один вампир-страж — такой же бледный, с такими же длинными ушами, в такой же крокодильей броне. Он молча отступил в сторону, отпер дверь большим ключом и со скрежетом отворил её.

— Заходи, — бросил Виго.

Фома переступил порог.

Внутри было темно и сыро. Единственный факел, чадивший на стене, освещал голые каменные стены, покрытые плесенью, и земляной пол, усыпанный гнилой соломой. Воздух был спёртым, пропитанным запахом тлена и немых тел. Вдоль стен, на грубо сколоченных лежанках, жались трое.

Это были низшие вампиры.

Жалкое зрелище. Первый — тощий, с ввалившимися щеками и безумными, бегающими глазами, — сидел в углу, обхватив колени руками, и раскачивался из стороны в сторону. Его кожа была землисто-серой, а клыки — жёлтыми и кривыми, как у старой собаки. Вторым, более крепким, лежал на лежанке, отвернувшись к стене, и его спина, обтянутая рваной рубахой, мерно вздымалась — он то ли спал, то ли пытался забыться. Третий сидел на корточках в самом тёмном углу и смотрел на вошедшего Фому немигающим, голодным взглядом. Его руки, покрытые язвами, дрожали, а из приоткрытого рта текла тонкая струйка слюны.

Они были сломлены. Опустошены. Обращены не для силы — для служения. Рабы. Пушечное мясо. Даже не люди больше — но и не вампиры. Так, недомерки, застрявшие между жизнью и смертью.

Фома прошёл к свободной лежанке и сел. Солома под ним захрустела и просела, выпустив облачко пыли. Он ждал. Он знал, что Виго ещё вернётся.

И Виго вернулся.

Дверь снова отворилась, и вошёл тот самый кривой вампир с бельмом. В руках он держал четыре предмета, позвякивающих металлом, — четыре амулета на цепочках из тусклого железа. Каждый амулет представлял собой круглую пластину с выгравированной луной — белой луной, пронзённой тремя мечами, — и по краю пластины шла вязь рун, пульсирующих слабым, болезненным светом.

— Слушайте меня, — произнёс Виго, и все трое низших вампиров мгновенно повернули головы. — Если вы хотите находиться в Доме Белой Луны, вы должны носить это. Таков закон. Без амулета вы — дичь. С амулетом — слуги. Выбирать не из чего.

Он подошёл к первому вампиру — тому, что раскачивался в углу, — и ловким, отработанным движением застегнул цепочку на его шее. Амулет вспыхнул на мгновение, и вампир задёргался, захрипел, но через секунду затих, опустив голову. Виго перешёл ко второму, к третьему. Каждый раз — та же вспышка, тот же хрип, то же безвольное затихание.

Наконец он остановился перед Фомой.

Их взгляды встретились — багровый и живой человеческий (Фома сохранял иллюзию обычных глаз). Виго помедлил долю секунды, потом накинул цепочку на шею Фомы и защёлкнул замок.

Фома не сопротивлялся.

В тот же миг перед его внутренним взором вспыхнул интерфейс. Но не тот привычный, послушный, что откликался на каждую мысль. Этот был красным — тревожным, пульсирующим, как рана.

[ВНИМАНИЕ! Надет Амулет Проклятия.]

[Блокировка магических способностей...]

[Мана: 0.]

[Заклинания кругов 1–6: недоступны.]

[Вампирские способности: Заблокированы.]

[Истинная невидимость: Заблокирована.]

[Вампирское обольщение: Заблокировано.]

[Удар Ночи: Заблокирован.]

[Меч Ночи: Заблокирован.]

[Призыв вампира: Заблокирован.]

[Активные эффекты: Бессмертие (сохранено).]

Всё исчезло. Магия, что текла в его жилах, — иссякла. Способности, что он получил от Гадара и Великой Сферы, — онемели, словно отрубленные конечности. Он потянулся внутрь себя, пытаясь нащупать привычную тьму, — и не нашёл ничего. Пустота. Глухая, бездонная, глумящаяся пустота.

Фома медленно, стараясь не выдать волнения, поднял руку и коснулся амулета. Металл был ледяным, противоестественно холодным — холоднее, чем его собственная мёртвая кожа. Он попытался поддеть цепочку пальцами, потянуть — но амулет даже не шелохнулся. Кажется, он прирос к коже, слился с ней, стал частью тела. Фома рванул сильнее — сто единиц силы, способных крушить камень, — и ничего. Амулет даже не нагрелся.

Виго наблюдал за его попытками с кривой, понимающей усмешкой.

— Не старайся, — произнёс он, и в его голосе прозвучало нечто похожее на сочувствие. — Только Древние могут снять этот амулет. Он проклят и зачарован. Пока ты носишь его, ты никто. Просто тень. Просто раб.

Он развернулся к выходу и, уже взявшись за ручку двери, бросил через плечо:

— А завтра ты начнёшь служить Дому Белой Луны. Отдыхай пока.

Дверь захлопнулась. Лязгнул засов.

Фома остался один среди трёх безмолвных, сломленных созданий, в тёмном бараке, пропахшем плесенью и отчаянием. Он сидел на лежанке, глядя в стену, и в его груди — там, где когда-то билось сердце, — медленно разгорался холодный, чёрный огонь.

Из князя — в рабы. Из Барона — в узника. Из повелителя ночи — в бесправного слугу.

Всё, чего он достиг в Древнем Лагере, всё, что он вырвал у судьбы зубами и когтями, — всё рассыпалось прахом в одно мгновение. Его сила, его магия, его вампирские дары — всё было при нём, но заперто, схвачено, сжато проклятым амулетом, который он сам позволил надеть на свою шею. Он сам вошёл в клетку. Сам склонил голову. Сам отдал себя в руки врагов.

«Я — высший вампир, — подумал он, и мысль эта была горькой, как полынь. — Я убил Барона. Я поглотил Великую Сферу. Я владею магией шестого круга. И я сижу в вонючем бараке, с цепью на шее, как пёс».

Он посмотрел на свои руки — бледные, с длинными пальцами, способные плести заклинания и дробить кости. Теперь они были просто руками. Руками раба.

Низший вампир в углу заскулил во сне. Факел на стене зачадил, затрещал, и пламя его дрогнуло, на мгновение погрузив барак в почти полную тьму.

Фома закрыл глаза.

«Ты хотел узнать, что ждёт тебя в Доме Белой Луны, — сказал он себе. — Вот оно. Ты узнал».

Но где-то там, под слоями отчаяния, под пеплом унижения, под холодным пеплом вампирской гордости, ещё тлел уголёк. Маленький. Упрямый. Тот самый, что когда-то помог ему выжить на Острове Слёз. Тот самый, что вёл его через Первое Кольцо, через тюрьму Бусаря, через шахты и Вольный Лагерь.

У него осталось бессмертие. У него остался разум. У него остался Коржик — верный скелет, который однажды уже вытащил его из бездны. У него остался Гадар, ждущий в склепе. У него остался Ксенагор, с которым он мог говорить через ментальную связь.

И у него осталась цель.

Вторая Сфера. Юверин. Обещание.

Амулет — не приговор. Амулет — препятствие. А препятствия он преодолевал всю свою жизнь.

Фома открыл глаза и посмотрел в темноту. Красные зрачки — скрытые сейчас под иллюзией человеческих — сузились.

— Посмотрим, — прошептал он одними губами. — Посмотрим, кто кого.

Ночь за окном барака дышала болотной гнилью. Где-то вдалеке, в той стороне, где шпиль замка касался Пелены, глухо, надсадно кричали лягушки, и их крик был похож на плач.

Глава 2

Час минул — или, может быть, вечность. В бараке, где не было окон, время измерялось не солнцем, а дыханием: мерным, хриплым, загнанным. Фома сидел на лежанке, привалившись спиной к холодной стене, и слушал, как за стеной вздыхают Болота. Где-то капала вода. Где-то скреблись когти. А потом лягнул засов.

Дверь отворилась резко, с протяжным, голодным скрипом, и на пороге возник Виго. За его спиной, в зеленоватом свете факелов, темнели силуэты ещё трёх стражей — таких же длинноухих, таких же бледных, в той же крокодильей броне. Алебарды в их руках тускло блестели, и острия были направлены внутрь барака.

— Собирайтесь, — скомандовал Виго, и его единственный живой глаз обвёл помещение с ленивой, сытой уверенностью. — Пора послужить Дому Белой Луны.

Низшие вампиры зашевелились. Тощий, с безумными глазами, вскочил первым и замер, вытянувшись, как побитая собака. Тот, что лежал у стены, поднялся медленно, с трудом переставляя ноги, и оказался широкоплечим, но измождённым. Третий, с язвами на руках, выскользнул из своего угла беззвучно, как тень, и встал чуть поодаль, не поднимая глаз.

Фома поднялся последним. Он накинул капюшон — привычка, ставшая второй натурой, — и шагнул к выходу. Амулет на его шее казался тяжелее камня. Холодный, противоположно холодный, он лежал на груди, как жаба, и с каждым шагом напоминал о себе тупой, ноющей болью, уходящей куда-то в рёбра.

Их вывели во двор. Тот самый двор — огромный, зажатый между чёрных стен, пропитанный сыростью и вековой тоской. Утренний ли свет стоял над цитаделью, ночной ли — понять было невозможно: Пелена, висевшая над Котлом, гасила и солнце, и луну, оставляя только ровный, серый, умирающий полумрак. Факелы на стенах горели всё тем же зеленоватым пламенем, и в их свете паутина, оплетавшая окна и двери, казалась кружевом, сотканным из плесени.

Их повели к воротам — тем самым, в которые Фома вошёл вчера. Створки отворились с глухим, подземным гулом, и Болота вновь открылись перед ними.

Стража подгоняла их короткими, беззлобными тычками алебард — не били, но направляли, как скот. Ступать приходилось по той же каменной дорожке, но теперь, в окружении

конвоя, она казалась ещё уже, ещё ненадёжнее. Под ногами чавкала грязь, и каждый шаг отдавался в тишине мокрым, сосущим звуком. Туман клубился над водой, и в его завихрениях чудились силуэты — не то деревьев, не то людоедов, стоящих на дальних островках.

Они шли недолго. Дорожка свернула в сторону от основного тракта, туда, где скалы расступались, и открывалась обширная топь. Здесь Болота были другими: не чёрными, не мёртвыми, а странно, болезненно-зелёными. Посреди стоячей воды, среди кочек и коряг, стеной стоял тростник.

Он был высоким — в два, а то и в три человеческих роста, — и его стебли, толстые, узловатые, напоминали кости. Цвет тростника был неестественным: не жёлтым, не бурым, а каким-то болотно-зелёным с металлическим отливом, будто каждый стебель покрывала тонкая плёнка ржавчины. Верхушки его венчали длинные, острые, как стилеты, листья, и они шелестели на слабом ветру — негромко, вкрадчиво, словно перешёптывались на мёртвом языке.

— Болотный тростник, — объявил Виго, останавливаясь на краю дорожки. — Будете собирать. Ломать у корня и складывать в снопы. Норма — десять снопов на каждого. Не выполняйте — не получите крови. Вопросы есть?

Вопросов не было.

Низшие вампиры, понурившись, ступили в воду. Фома последовал за ними. Болотная жижа оказалась ледяной — она обожгла ступни, но он, вампир, давно не чувствовал холода. По крайней мере, того, что снаружи. Холод, что рос внутри, был куда страшнее.

Тростник поддавался с трудом. Стебли были не просто прочными — они были почти деревянными, и каждый приходилось ломать с хрустом, выкручивая, вырывая из цепкой грязи. Листья оставляли на ладонях тонкие, кровоточащие порезы — без маны и вампирской регенерации раны затягивались медленно, сочась тёмной, почти чёрной кровью.

Прошёл час. Может, два. Пальцы онемели. Спина заныла. Тот самый тощий низший вампир, что сидел в углу, работал молча, безропотно, и его движения были механическими, как у сломанного голема. Второй, широкоплечий, рвал тростник с угрюмой, звериной злостью, но силы его быстро иссякали. Третий, с язвами, то и дело замирал и оглядывался, словно чувял что-то в тумане.

И он чувял не зря.

Вода в десяти шагах от них вдруг вспучилась, пошла кругами, и из мутной глубины взметнулась огромная, облепленная тиной туша. Болотный крокодил. Матёрый, длиной в четыре метра, с гребнистой спиной и пастью, усеянной неровными, жёлтыми зубами. Он вылетел из воды с той ужасающей, противоестественной скоростью, какой не ждёшь от столь громоздкой твари, и щёлкнул челюстями там, где мгновение назад стоял тощий вампир.

Тощий успел отскочить — чудом, на одних инстинктах, — но крокодил уже разворачивался для второй атаки. Его хвост, тяжёлый, как таран, рассёк воду и сбил с ног широкоплечего. Вампир рухнул в грязь, и крокодил тут же устремился к нему, разевая пасть.

— Помогите! — крикнул тощий, обернувшись к страже.

Стража не шевельнулась. Виго стоял на дорожке, скрестив руки на груди, и наблюдал. Его лицо было неподвижным. Остальные трое стражников даже не сменили поз. Они смотрели на происходящее с тем же выражением, с каким смотрят на дождь или на муравьиную возню.

Фома понял: помощи не будет. Они здесь — расходный материал. Если их сожрут, привезут новых. Болота не знают дефицита в рабах.

Широкоплечий взревел и, уже лёжа в грязи, выставил руки. Крокодил вцепился ему в плечо — челюсти сомкнулись с влажным, костяным треском. Но тощий, тот самый тощий, кого Фома считал безумным и сломленным, вдруг бросился на тварь сбоку. В его руках был обломок тростника — не оружие, так, зубочистка против этой брони. Он всадил его в глаз крокодила.

Тварь заревела, разжала челюсти, мотнула головой, и тощий отлетел в сторону, как тряпичная кукла. Но секундного замешательства хватило. Фома был уже рядом. Он прыгнул —

сто единиц ловкости никуда не делись, их просто глушил амулет, но тело-то помнило, — прыгнул и приземлился на спину крокодила, вцепившись пальцами в глазницы. Тварь забилась, но Фома держал мёртвой хваткой. Одной рукой он схватился за верхнюю челюсть, другой — за нижнюю, и, напрягши все мышцы, всю вампирскую силу, что ещё оставалась в нём, рванул.

Раздался хруст. Челюсть крокодила вывернулась под неестественным углом. Тварь дернулась в последний раз и затихла, осев в воду бурой, чешуйчатой горой.

Фома сполз с неё, тяжело дыша. Тощий сидел в грязи, зажимая рукой рассечённое плечо. Широкоплечий, окровавленный, но живой, смотрел на Фому расширенными глазами.

— Ловко, — произнёс он хрипло. — Ты кто такой?

— Торговец, — ответил Фома. — Из Пустошей.

— А я Атила, — вампир с трудом поднялся, придерживая раненое плечо. — Был когда-то кузнецом. В Древнем Лагере. Пока меня не обратили.

— Заткнитесь! — рявкнул Виго с дорожки. — Работайте!

И они работали. Работали молча, но теперь между ними протянулась невидимая нить — та, что связывает тех, кто вместе смотрел в глаза смерти.

Часы текли, как болотная вода, — медленно, тягуче, однообразно. Фома ломал тростник, вязал снопы, складывал их на дорожку. Руки саднили. Кровь из порезов смешивалась с болотной грязью. Он чувствовал, как слабеет — не телом даже, а той глубинной, вампирской силой, что требовала крови, требовала подпитки. Амулет не только блокировал магию — он, кажется, ещё и вытягивал энергию, медленно, по капле, как пиявка.

Но хуже всего была безучастность стражи. Вот они, в десяти шагах, вооружённые, сытые, сильные. Вот они стоят и смотрят, как рабы надрываются, как истекают кровью, как сражаются с тварями Болот. И в их глазах — ничего. Даже не презрение. Так, пустота. Рабы для них — не люди и не вампиры. Инвентарь. Расходник.

Через несколько часов, когда снопы были сложены, а пальцы уже не разгибались, Виго дал команду возвращаться. Второй раз за день, и потом снова и снова. День за днём, неделя за неделей.

К концу первой недели их было уже трое.

Того, третьего, с язвами на руках, засосало болото. Не крокодил, не змея — само болото. Он просто ступил не туда, и топь разверзлась под ним, как голодный рот. Он ушёл вниз без крика, без всплеска — только булькнуло что-то в глубине, и вода сомкнулась над головой. Стража даже не обернулась.

В тот вечер им принесли по крысе. Тощей, мокрой, дохлой. Фома смотрел на неё, и вампирская его природа, подавленная амулетом, всё же требовала, требовала, скулила внутри, как побитый пёс. Крови было мало. Ничтожно мало. Но достаточно, чтобы поддерживать жизненные силы, — Виго знал своё дело. Он не перекармливал рабов. Чтобы не набрались сил. Чтобы не смогли устроить бунт.

Фома пил. Медленно, давясь от унижения. Крысиная кровь была водянистой, с привкусом гнили и страха. Но даже она возвращала искру жизни в мёртвое тело.

Атила сидел рядом, на соседней лежанке, и тоже пил. Их взгляды встретились, и в глазах бывшего кузнеца Фома увидел то же, что чувствовал сам: отчаяние, смешанное с яростью. Молчаливое, невысказанное обещание. Мы ещё повоюем.

Вторая неделя прошла так же. Тот же тростник. Тот же туман. Тот же Виго, стоящий на дорожке, как изваяние.

На пятый день второй недели вернулся крокодил. Вернее, другой крокодил — ещё крупнее, ещё страшнее. Он атаковал из засады, вылетев из-за стены тростника, и утащил тощего. Тот даже не успел вскрикнуть — только взмахнул руками, и исчез под водой, оставив за собой красный, быстро тающий след.

Стража не пошевелилась. Виго проводил круги на воде равнодушным взглядом и отвернулся.

Их осталось двое. Фома и Атила.

Вечером Фома сидел в углу барака и смотрел на свои руки. Когда-то эти руки держали меч, способный рассекать тьму. Когда-то они метали заклинания шестого круга. Когда-то они вырвали сердце Барону. Теперь они дрожали от слабости, покрытые коркой грязи и запёкшейся крови. Теперь они держали дохлых крыс.

Амулет на шее охлаждал кожу. Проклятая железка. Только Древние могут снять. Но он найдёт способ. Он всегда находил.

— Эй, — тихо позвал Атила. Он сидел на своей лежанке, обхватив колени, и смотрел на Фому. — Ты ведь не торговец, да?

Фома молчал.

— Я видел, как ты дрался с крокодилом, — продолжал Атила. — Торговцы так не дерутся. Ты был воином. Или кем-то ещё.

— Был, — ответил Фома глухо. — Теперь — никто. Раб.

Атила помолчал, потом сплюнул на пол.

— Я тоже был никем. Кузнецом. Хорошим кузнецом, между прочим. Ковал мечи для стражников Барона Разеса. А потом один из них решил, что я слишком много знаю, и продал меня вампирам. Обратили. Нацепили этот ошейник. И вот я здесь.

Он усмехнулся, и усмешка была горькой.

— Знаешь, что самое смешное? Я до сих пор помню, как ковать мечи. Руки помнят. Но кому здесь нужен кузнец?

Фома поднял голову. В его красных глазах — скрытых сейчас под иллюзией человеческих — блеснул холодный огонёк.

— Мне, — сказал он. — Мне нужен кузнец.

Атила удивлённо уставился на него.

— Ты о чём?

Фома придвинулся ближе и заговорил — тихо, почти шёпотом, чтобы не услышала стража за дверью.

— Этот амулет, — начал он. — Ты знаешь, из чего он сделан?

— Из чёрного железа, — ответил Атила. — Я же кузнец. Я знаю металлы. Чёрное железо глушит магию, но оно же и хрупкое. Очень хрупкое. Если ударить под правильным углом и с нужной силой, оно треснет.

— Ты сможешь его снять? — спросил Фома.

Атила задумался.

— Снять — вряд ли. Они зачарованы, прирастают к коже. Но разбить... теоретически — да. Но нужен инструмент. Молот. Или хотя бы хороший камень. И нужно время, чтобы никто не помешал.

Фома кивнул.

— Тогда слушай. Завтра мы снова идём на болото. Там есть камни. Там есть тростник — он крепкий, как дерево. Мы сделаем инструмент. Мы разобьём амулеты. И сбежим.

— Куда? — спросил Атила. — Мы в сердце Болот. Кругом топи, крокодилы, людоеды. Без магии, без оружия мы далеко не уйдём.

— Уйдём, — отрезал Фома. — У меня есть... союзники. И есть план. Но сначала — амулеты.

Атила долго смотрел на него, потом медленно кивнул.

— Ладно, торговец. Или кто ты там. Я с тобой. Хуже, чем здесь, уже не будет.

Фома протянул ему руку, и Атила пожал её. Два вампира. Два раба. Два пленника, брошенных в самое сердце враждебного мира.

Но теперь их было двое. И это уже кое-что значило.

Ночь опустилась на барак, и факел на стене зачадил, затрещал, погружая помещение в дрожащий полумрак. За стеной, в Болотах, снова кричали лягушки — глухо, надсадно, как плач по умершим.

Фома лежал на лежанке и смотрел в потолок. План был безумным. Почти невыполнимым. Но он был.

Он вспомнил Гадара. Его слова: «Ты единственный, кому я доверил это». Вспомнил Ксенагора: «Если ты разрушишь Пелену, я наконец смогу умереть». Вспомнил Марту, Коржика, Креста, Бьёрна. Все они верили в него. Все они ждали его возвращения.

И он вернётся. Он вырвется из этого проклятого болота. Он снимет амулет. Он вернёт себе силу. И тогда — горе Дому Белой Луны. Горе Юверину. Горе всем, кто встанет на его пути.

Но это будет завтра. А сегодня нужно просто выжить.

Фома закрыл глаза и провалился в темноту — ту, что была внутри него самого. И в этой темноте, где-то на самом дне, всё ещё горел маленький, упрямый огонь. Огонь, который не могли погасить ни амулеты, ни Болота, ни сами Древние.

Огонь по имени месть.

Глава 3

Утро следующего дня встретило их всё тем же серым, унылым полумраком, какой царил в Болотах испокон веков. Пелена над головой висела низко, тяжёлая, словно промокшая мешковина, и даже вездесущие лягушки, казалось, охрипли от собственного кваканья — их голоса звучали глуше, реже, с надрывной хрипотцой. В бараке было холодно, сыро, и запах плесени, смешанный с запахом немых тел, застоялся так плотно, что, казалось, его можно было резать ножом.

Фома поднялся с лежанки первым. Солома под ним слежалась в плотный, влажный ком, и одежда — его чёрный балахон, когда-то бывший символом силы, а теперь превратившийся в грязную, рваную хламиду, — прилипла к телу. Он потянулся, разминая затёкшие мышцы, и бросил взгляд на Атилу. Бывший кузнец уже не спал — он сидел на своей лежанке, обхватив колени руками, и смотрел в стену. Его лицо, бледное до синевы, было неподвижно, но в глазах, глубоко посаженных и окружённых тёмными кругами, горел знакомый Фоме огонёк. Огонёк решимости. Или отчаяния. Или того и другого вместе.

— Сегодня, — произнёс Атила одними губами, не поворачивая головы.

— Сегодня, — подтвердил Фома.

Они не обсуждали деталей. Всё было решено вчера. Камень. Удар. Амулет. Побег. Простой план, отчаянный, как и всё, что они могли себе позволить.

Лязгнул засов.

Дверь распахнулась с тем же самым протяжным, ржавым скрипом, который Фома выучил наизусть за эти недели. На пороге, как всегда, стоял Виго. Его коренастая фигура, облачённая в кожаный дублет, загораживала дверной проём почти полностью. Бельмо на мёртвом глазу тускло блестело в свете факела, а живой глаз обшаривал помещение с привычной, ленивой цепкостью. За его спиной темнели силуэты трёх стражников с алебардами, а чуть поодаль, сбившись в испуганную кучку, стояли двое новеньких. Те самые, вчерашние. Юнец со светлыми волосами и жилистый мужчина с седыми висками. Им ещё не успели нацепить амулеты, и они выглядели до странности голыми — как новобранцы, которым предстояло получить первое боевое крещение.

— Подъём, — скомандовал Виго, и его голос, низкий и хриловатый, прозвучал буднично, почти скучающе. — Пора послужить Дому Белой Луны. Новеньких берёте с собой. Покажете, что и как. Если кто сдохнет — ответите головой.

Атила и Фома переглянулись и вышли во двор.

Там всё было по-прежнему: та же чёрная, покрытая слизью брусчатка, те же покосившиеся столбы с зелёными факелами, тот же угнетающий, давящий взгляд чёрных стен и шпиля замка, упирающегося в Пелену. В сером свете утра цитадель вампиров казалась не крепостью — кладбищем, где могильные плиты заменили бараками, а склепом служил сам замок. Паутина, толстая и слоистая, колыхалась на сыром ветру, и в её сетях запутались дохлые болотные шершни — десятки маленьких, сморщенных телец, висящих вниз головами.

Процессия двинулась к воротам. Впереди — Виго, за ним — трое стражников, потом — Фома с Атилой и двое новеньких. Юнец постоянно озирался, и в его глазах стоял животный, первобытный ужас. Он ещё не понимал, куда попал, но уже чувствовал — здесь ему не рады. Здесь ему не место. Здесь его просто используют и выбросят. Жилистый держался лучше, но и он то и дело сглатывал, и кадык его ходил ходуном под обветренной кожей. Оба ещё не знали главного: амулеты не снимаются. И ношение их — это не временная мера. Это приговор. Пожизненный.

Ворота открылись, и Болота вновь приняли их в свои гнилые объятия.

Туман сегодня был особенно густым. Он не просто клубился над водой — он лежал на ней плотным, осязаемым одеялом, и каменная дорожка уходила в эту белёсую мглу, как в бездну. Зелёные факелы горели тускло, едва пробивая толщу сырости, и их свет размазывался по туману бледными, болезненными ореолами. Лягушки охрипли окончательно, и в тишине, нарушаемой только чавканьем шагов, каждый звук казался преувеличенным, зловещим. Где-то вдалеке, на грани слышимости, гудели болотные шершни, и их гудение было похоже на низкий, угрожающий стон самой земли.

Тростник встретил их всё тем же металлическим, неживым шелестом. Он стоял стеной — высокой, плотной, бесконечной, — и его узловатые, покрытые ржавой плёнкой стебли напоминали кости, воткнутые в гнилую воду. Работа началась, как всегда, молча. Фома и Атила показались новеньким, как ломать тростник у корня, как вязать снопы, как отличать зрелые стебли от пустотелых. Но их мысли были далеко.

Они уходили всё дальше и дальше, в самую глубь зарослей. Шаг за шагом, осторожно, чтобы не привлекать внимания. Туман скрадывал движения, глушил звуки. Тростник становился выше, гуще, и вскоре дорожка и стража скрылись из виду. Здесь, в сердце топи, царил почти полная тишина, нарушаемая только едва уловимым дрожанием воздуха — это где-то далеко били крыльями шершни.

Наконец они остановились. Атила указал на большой, поросший мхом валун, выступающий из воды, — один из тех, что были разбросаны по болоту, словно забытые великанами игрушки. Камень был чёрным, блестящим от слизи, и его поверхность, грубая и ноздреватая, казалась одновременно и древней, и устрашающе прочной.

— Здесь, — сказал Атила, и его голос дрогнул. — Дальше некуда.

Фома оглянулся. Тростник стоял стеной. Никого. Только туман и тишина. Он опустился на колени прямо в ледяную воду, прижался щекой к шершавому, замшелому камню и вытянул шею так, чтобы амулет лежал на валуне. Холод металла обжёг кожу. Тяжёлый. Проклятый. Он закрыл глаза.

— Бей.

Атила нагнулся и поднял с земли увесистый, продолговатый камень — кусок чёрной породы с острым сколом, обточенный водой и временем. Он взвесил его в руке, примериваясь, как когда-то примеривался к молоту в своей кузнице. Его лицо, и без того бледное, стало совсем белым. На лбу выступили капли пота. Он понимал, что делает. Он знал, что амулет проклят. Но он знал и другое: если ничего не сделать, они умрут здесь. Не сегодня, так завтра. Не завтра, так через месяц. Сдохнут от голода, или их сожрёт крокодил, или засосёт болото, или стражникам надоест их терпеть. Это был их единственный шанс.

Он размахнулся — широко, по-кузнечному, вложив в удар всё, что осталось от его вампирской силы, всю злость, всю боль, всю надежду. Камень описал дугу и обрушился на амулет.

Раздался звон.

Высокий, чистый, пронзительный — такой звон бывает, когда лопается перекалённая сталь. Амулет треснул. По чёрному железу побежала тонкая, как волос, трещина, и в тот же миг из амулета вырвался свет. Не простой — ослепительный, бело-голубой, режущий глаз. Фома почувствовал, как невидимая сила отшвыривает его в сторону, и он рухнул в воду, больно ударившись плечом о корягу.

А Атила...

Атила взлетел.

Его тело подбросило в воздух, выгнуло дугой, раскинув руки, словно он был не вампиром, а тряпичной куклой, попавшей в эпицентр взрыва. Глаза его закатились, рот раскрылся в беззвучном крике. Молния — самая настоящая молния, тонкая, ветвистая, ослепительно-белая — вырвалась из трещины в амулете и ударила его прямо в грудь. Раздался треск, сухой и влажный одновременно, — треск ломающихся костей и горячей плоти. Запахло палёным мясом, озоном, смертью. Вокруг Атилы на мгновение вспыхнул ореол голубоватого пламени, и он рухнул в болото, как обуглившееся полено. Чёрная вода сомкнулась над ним с глухим, довольным всхлипом. По поверхности пошли круги, потом всё стихло.

Фома лежал в грязи, не в силах пошевелиться. В ушах стоял звон. Перед глазами плыли разноцветные круги. Он попытался подняться, но руки и ноги не слушались — тело всё ещё помнило удар. С трудом, цепляясь за корягу, он встал на колени и посмотрел туда, где только что стоял Атила.

Там не было ничего.

Только чёрная вода и медленно оседающий пепел. Несколько хлопьев, лёгких и серых, ещё кружились в воздухе, но и они таяли, растворялись в тумане.

— Атила... — прошептал Фома, и его голос был чужим, хриплым.

Никто не ответил.

Он опустил голову и зажмурился. Ещё один. Ещё один друг, союзник, почти брат по несчастью — ушёл в болото, как уходили все, кто вставал рядом с ним. Рагнар погиб в Вольном Лагере. Атила погиб здесь. Их смерти ложились на плечи тяжёлым, невыносимым грузом, и даже вампирское бессмертие не спасало от этой боли. Фома чувствовал, как внутри что-то сжимается — не сердце, его давно не было, но нечто иное, более древнее и тёмное, то, что составляло самую суть его существа. То, что Гадар называл душой вампира.

Он медленно поднял руку и коснулся амулета.

Трещина затягивалась. Прямо на глазах, словно нехотя, края трещины сближались, сплавлялись, и чёрное железо снова становилось монолитным. Через несколько мгновений амулет был как новенький — ни царапины, ни следа. Он даже не нагрелся. Он был холоден, как всегда. Проклятый. Неуязвимый. Живой.

Фома опустил руку. Бессилие — вот что он чувствовал. Не слабость, нет. Кровь крысы ещё теплилась где-то в глубине его существа, поддерживая физические характеристики. Но бессилие. Абсолютное, глухое, беспросветное. Он был заперт. Заперт в клетке, которую сам на себя надел, и цена за побег — смерть того, кто попытается его освободить. Смерть друга. Смерть союзника.

Он сидел в грязи и смотрел в серое небо. Долго. Минуту, две, десять. Потом поднялся. Выпрямился. Лицо его, скрытое капюшоном, было неподвижно, как маска. Только глаза горели — красным, голодным, яростным огнём. Они не угасли. Даже сейчас. Даже после всего.

Фома развернулся и пошёл обратно.

Он выбрался из тростниковых зарослей и ступил на каменную дорожку. Его походка изменилась. Он больше не шёл, ссутулившись, не глядел в землю. Он шёл прямо, твёрдо, и

его босые ступни ступали по склизким плитам с той особой, хищной грацией, которая была свойственна ему до того, как он надел амулет. Стражники, стоявшие у дорожки, почувствовали это первыми. Они переглянулись, и их длинные уши — заострённые, торчащие в стороны — дрогнули, как у зверей, учувших опасность. Они не знали, что изменилось в этом рабе. Но чуяли. Чуяли, что перед ними больше не жертва.

Виго стоял на своём обычном месте, скрестив руки на груди. Его единственный глаз следил за приближающимся Фомой с тем же выражением, с каким смотрят на интересный, но потенциально опасный экспонат. Когда Фома остановился в шаге от него, Виго чуть склонил голову набок.

— Живой, — констатировал он. — А где второй?

— Мёртв, — ответил Фома. Его голос звучал глухо, ровно, без эмоций. — Слушай меня, Виго. Мне нужна встреча с Люкой.

Глаз Виго дрогнул. Бельмо, как всегда, осталось неподвижным, но живой зрачок расширился. На лице надсмотрщика промелькнула тень — не испуга, но острого, почти болезненного любопытства.

— С Люкой? — переспросил он, растягивая имя Древнего, словно пробуя его на вкус. — С Древним Люкой? Откуда ты знаешь это имя?

— Это не важно, — отрезал Фома. — Так ты мне поможешь или нет?

Виго помолчал. Он перекачивал что-то во рту — не то проклятие, не то невысказанный вопрос. Потом его губы растянулись в знакомой кривой усмешке.

— Здесь всё имеет свою цену, — произнёс он. — Ты уже понял это, я вижу. Встреча с Древним — это дорого. Очень дорого. У тебя есть чем платить?

Фома не колебался.

— У меня есть бутылка крови серийного убийцы.

Повисла тишина. Такая глубокая, такая плотная, что, казалось, даже туман замер на месте. Виго уставился на Фому, и его единственный глаз расширился. Потом он расхохотался — коротко, хрипло, недоверчиво. Его смех прозвучал в болотной тишине неестественно громко, и стражники за его спиной вздрогнули.

— Кровь серийного убийцы? — переспросил Виго, отсмеявшись. — Ты хоть понимаешь, что ты несёшь? Ты, раб, в грязном балахоне, у которого нет ничего, кроме собственной шкуры? Ты, наверное, ещё не знаешь, но бутылка крови серийного убийцы здесь стоит целое состояние. Ты можешь купить не только встречу с Люкой. Ты сможешь купить себе свободу.

— Тогданими с меня этот амулет, — потребовал Фома.

Виго отступил на шаг и покачал головой. Его усмешка стала шире, но в ней появилось что-то новое — не презрение, а скорее оценивающий, холодный интерес.

— Ты что, меня за дурака держишь? — произнёс он. — Ты мне ещё ничего не принёс. Сначала — товар. Потом — разговор.

Фома помолчал. Он смотрел в глаза Виго — в один живой и один мёртвый — и видел, что спорить бесполезно. Надсмотрщик был прав. Слова здесь ничего не стоили. Только кровь. Только сила. Только власть.

— Тогда жди здесь, — сказал он. — Я сейчас вернусь.

И побежал.

Он развернулся на месте и рванул по каменной дорожке с такой скоростью, что стражники не сразу опомнились. Босые ступни застучали по плитам, разбрызгивая болотную жижу. Полы чёрного балахона взметнулись за спиной, словно вороньи крылья. Фома бежал, и его фигура, стремительная, хищная, врезалась в туман, как нож в масло.

— Стоять! — крикнул один из стражников и вскинул алебарду.

Но Виго, стоявший поодаль, лениво махнул рукой.

— Пусть бежит, — бросил он. — Далекo не уйдёт. С амулетом-то.

Стражи опустили оружие и проводили беглеца равнодушными взглядами. Действительно — куда он денется? С проклятым амулетом на шее, без магии, без оружия, в сердце враждебных Болот? Крокодилы сожрут, людоеды поймают, или сам вернётся, поджав хвост. И то, и другое устраивало.

Фома бежал.

Дорожка змеилась под ногами, то уходя под воду, то всплывая из неё цепочкой скользких, замшелых плит. Он перепрыгивал через трещины, огибал коряги, торчавшие из топи, словно гнилые зубы. Его лёгкие, которым не нужен был воздух, работали ровно и бесшумно. Сердце, которого не было, не билось. Но внутри, под амулетом, под слоями холода и отчаяния, горел огонь. Огонь надежды. Или ярости. Или того и другого вместе.

Вот та коряга, похожая на скрюченную руку. Вот покосившийся факел с умирающим зелёным пламенем. Вот поворот, где на него напал первый крокодил. Дорога была знакомой — он выучил её наизусть, каждый камень, каждую кочку, — и всё же каждый раз, когда он бежал по ней, Болота словно менялись. Туман сгущался в одном месте и расступался в другом. Вода поднималась выше или, наоборот, отступала, обнажая илистое дно. Болота жили своей жизнью, и эта жизнь была враждебна всему, что осмеливалось посягнуть на их покой.

Но Фома не обращал внимания. Он бежал. Вперёд. К башне.

Она выросла перед ним из тумана внезапно, как старый, забытый страж. Чёрная, приземистая, покрытая мхом и трещинами, она стояла на границе Болот, и от неё веяло всё той же древней, неизбывной тоской. Фома вбежал внутрь, в темноту. Здесь было тихо — так тихо, что он слышал, как капли конденсата срываются с потолка и разбиваются о каменный пол. Зелёный свет факелов не проникал сквозь узкие бойницы, и лишь редкие лучи, бледные и дрожащие, пробивались сквозь пролом в своде.

Он взбежал по полуразрушенной лестнице, перепрыгивая через выщербленные ступени, туда, где в углу, за камнем, была его ниша. Две бутылки стояли нетронутыми — холодные, покрытые каплями конденсата, словно сама башня хранила их для него, ждала его возвращения.

Фома схватил первую — с кровью душегуба. Сорвал восковую печать и поднёс горлышко к губам. Кровь обожгла горло. Не в переносном смысле — она действительно была горячей, пряной, густой, как старая медовуха, выдержанная в дубовых бочках. Он пил, и с каждым глотком в его тело возвращалась сила. Мышцы, ещё минуту назад ноющие от усталости, наливались упругой, пружинистой энергией. Зрение обострялось — он вдруг начал различать каждую трещину в камнях, каждый волосок мха, каждую каплю влаги, ползущую по стене. Слух улавливал малейшие шорохи: далёкое кваканье лягушек, плеск воды у подножия башни, шипение болотного газа, выходящего из трещин в земле, и даже шорох крыльев болотного шершня, пролетевшего где-то снаружи.

Сто единиц силы. Сто единиц ловкости. Сто единиц выносливости. Всё возвращалось, пробуждалось, оживало. Он снова чувствовал себя собой — не рабом, не узником, а тем, кто убил Барона, кто поглотил Великую Сферу, кто прошёл через Котёл и выжил.

Но магия — магия оставалась глуха. Амулет по-прежнему висел на шее, по-прежнему охлаждал кожу, и, когда Фома потянулся внутрь себя, пытаясь нащупать знакомую тьму, интерфейс вспыхнул перед его внутренним взором тревожным красным цветом:

[Мана: 0]

[Заклинания кругов 1–6: заблокированы]

[Вампирские способности: заблокированы]

[Истинная невидимость: заблокирована]

[Вампирское обольщение: заблокировано]

[Меч Ночи: заблокирован]

[Призыв вампира: заблокирован]

[Удар Ночи: заблокирован]

[Активные эффекты: Бессмертие (сохранено). Характеристики: активны.]

Характеристики пылали. Тело снова было его собственным — сильным, быстрым, смертоносным. Амулет отнял магию, но не отнял его самого. Он снова мог драться, снова мог убивать, снова чувствовал себя хищником, а не жертвой. Пусть даже в оковах.

Фома вытер губы рукавом и взял вторую бутылку — ту, что с кровью серийного убийцы. Она была тяжелее первой, и жидкость в ней казалась почти чёрной, но когда редкий свет из бойницы проходил сквозь стекло, она отливала глубоким, рубиновым блеском. Плата. Пропуск. Ключ.

Он спрятал бутылку в складках балахона и побежал обратно.

Когда Фома вернулся, Виго стоял на том же месте, скрестив руки на груди. Он не двинулся с места за всё время его отсутствия — только перекачивал что-то во рту, не то табак, не то какое-то зелье. Трое стражей позади него переминались с ноги на ногу, и их длинные уши нервно подёргивались — они всё ещё не могли понять, что происходит. Новенькие вампиры, брошенные без присмотра, жались друг к другу и смотрели на приближающегося Фому с ужасом и надеждой.

Фома остановился в шаге от Виго. Он тяжело дышал — не от усталости, от ярости, которую с трудом сдерживал. Потом, не торопясь, запустил руку в складки балахона и извлёк бутылку. Тёмную, тяжёлую, полную густой, почти чёрной жидкости.

Виго замер.

Его единственный глаз впился в бутылку с такой жадностью, с таким голодом, что, казалось, он забыл обо всём на свете. Он медленно протянул руки и принял бутылку — осторожно, почти благоговейно, обеими ладонями, словно святыню. Поднёс к свету факела.

Жидкость в бутылке была тёмной, почти чёрной, но когда свет проходил сквозь стекло, она отливала глубоким, рубиновым блеском. Виго медленно, с видом знатока, покрутил бутылку, наблюдая, как кровь стекает по стенкам — медленно, густо, оставляя маслянистые, долго не исчезающие разводы. Его дыхание участилось. Ноздри затрепетали.

Затем он поднёс горлышко к носу. Сделал долгий, медленный вдох — не резкий, не жадный, а именно долгий, каким сомелье вдыхает аромат выдержанного вина. Его глаз прикрылся. Лицо, обычно циничное и неподвижное, на мгновение разгладилось, утратило свою обычную кривую усмешку.

— Не может быть... — прошептал он. — Ноты страха... — он снова вдохнул, — гнева... отчаяния... И что-то ещё. Что-то тёмное, глубокое. Это не простой убийца. Это мастер.

Он открыл глаз и уставился на Фому с новым выражением — смесью уважения, жадности и острого, почти болезненного любопытства.

— Где ты это взял? — спросил он.

— Не важно, — повторил Фома. — Ты получил плату. Теперь снимай амулет.

Виго вздохнул. Он спрятал бутылку в один из многочисленных карманов своего кожаного дублета — бережно, аккуратно, словно это был не карман, а сейф, — и посмотрел на Фому. В его взгляде читалось нечто новое. Не презрение. Не насмешка. Скорее — сожаление.

— Этого я сделать не могу, — сказал он.

— Что? — Фома шагнул вперёд, и стражники за спиной Виго мгновенно вскинули алебарды. Виго жестом остановил их.

— Я обещал тебя освободить, — произнёс он спокойно. — И я обещал организовать встречу с Люкой. Свободен. Можешь идти на все четыре стороны. Ты больше не раб. Я своё слово держу. Но снять амулет может только Древний. Я — не Древний. Я — надсмотрщик. Полезный, нужный, но не Древний.

Фома молчал. Его красные глаза, горящие под капюшоном, прожигали Виго насквозь.
— Ты обещал, — повторил он глухо.

— Я обещал свободу, — возразил Виго. — И ты её получил. — Он помолчал, потом добавил мягче: — Иди к баракам. Жди. Вечером за тобой придут и отведут к Люке. Я это тоже обещал. И я сделаю.

Фома смотрел на него ещё несколько долгих, мучительных секунд. Потом развернулся и пошёл.

Его свобода была иллюзией. Амулет оставался на шее — холодный, тяжёлый, проклятый. Но он сделал первый шаг. Он договорился. Он купил себе шанс — не за деньги, не за золото, а за кровь. И теперь оставалось только ждать.

Виго проводил его взглядом, и в этом взгляде — впервые за всё время — промелькнуло что-то похожее на уважение. Или, может быть, на любопытство. Или на осторожность. Кто ты такой, странный раб? Откуда ты знаешь Люку? Откуда у тебя кровь серийного убийцы? И почему, во имя Белой Луны, я тебя не чувствую?

Фома вернулся в барак. Пустой. Молчаливый. Тот самый, где ещё вчера сидел Атила. Где ещё сегодня утром они пожимали друг другу руки, обещая выбраться вместе. Где сейчас на лежанке, на том самом месте, где спал бывший кузнец, валялся пучок гнилой соломы.

Он сел на свою лежанку, откинулся к холодной стене и закрыл глаза. Перед его внутренним взором всё ещё стояла картина: Атила взлетает в воздух, пронзённый молнией, и падает в болото обугленным поленом. Ещё одно лицо в галерее мёртвых. Ещё одно имя, которое он прошепчет, когда придёт время мстить.

Но сейчас нужно было ждать. Ждать вечера. Ждать встречи с Люкой. Ждать шанса.

Он открыл глаза и уставился в темноту. Тьма внутри него ответила тем же.

Вечер ещё не наступил. Но он обязательно наступит. А с ним — и продолжение пути.

Глава 4

Вечер наступил незаметно — так же, как наступает всё в Болотах: серое небо стало тёмно-серым, потом чёрным, и только зеленоватое свечение факелов за стенами барака напоминало о том, что мир за пределами этой клетки всё ещё существует. Фома сидел на лежанке, привалившись спиной к холодной стене, и слушал тишину. Она была неполной — где-то капала вода, где-то скреблись крысы, где-то вздыхали Болота, — но внутри барака стояла именно тишина, та особенная, давящая, какая бывает только в месте, где умерла надежда.

Лязгнул засов. Дверь отворилась, и в проёме возник Виго. Он был один, без обычного конвоя, и вид у него был усталый. За его спиной, в зеленоватом свете, маячили двое новеньких — те самые юнец со светлыми волосами и жилистый мужчина с седыми висками. Их первый день на болотах закончился. И это было видно по их лицам.

Юнец вошёл первым и рухнул на лежанку, даже не разбирая, где чья. Его светлые волосы, ещё утром бывшие чистыми, теперь свалились в грязные сосульки, лицо осунулось, а глаза — те самые глаза, что утром горели животным ужасом, — потухли. Он просто лёг и уставился в стену. Жилистый держался лучше, но и он двигался как сломанный голем — медленно, тяжело, через силу. Он опустился на лежанку Атилы, даже не заметив, что занимает место мёртвого, и закрыл глаза.

Виго обвёл барак взглядом, задержался на Фоме, но ничего не сказал. Дверь захлопнулась. Лязгнул засов.

И время остановилось.

Никогда ещё минуты не тянулись так медленно. Фома сидел, не шевелясь, и каждая капля, срывающаяся с потолка, каждый вздох новеньких, каждый шорох соломы отдавались в его сознании с преувеличенной, почти мучительной отчётливостью. Время в Болотах вообще текло иначе, но здесь, в бараке, оно превращалось в вязкую, тягучую патоку. Час казался веч-

ностью. Два часа — двумя вечностями. Новенькие забылись тяжёлым, голодным сном, и их дыхание — неровное, с присвистом — сливалось с дыханием болот за стеной.

Фома не спал. Он слушал. Он ждал.

И вот, когда, по его ощущениям, миновала полночь — хотя кто мог знать наверняка в этом проклятом месте, где не было ни солнца, ни луны, ни звёзд, — за дверь послышались шаги. Не обычные, ленивые шаги стражи, а другие — чёткие, размеренные, уверенные. Шаги того, кто привык повелевать, а не подчиняться.

Лязгнул засов. Дверь открылась.

На пороге стоял Виго. Но не один.

Рядом с ним, чуть позади, возвышалась фигура, которую Фома сразу, безошибочно распознал как высшего вампира. Это был не просто вампир — это был аристократ ночи, существо, стоящее неизмеримо выше и рабов, и надсмотрщиков.

Он был высок и статен — на голову выше Виго, — и его фигура, облачённая в длинный, до пят, плащ из плотной чёрной ткани, напоминала не человеческий силуэт, а некое хищное изваяние. Плащ был подбит тёмно-алым шёлком, и при каждом движении вампира ткань переливалась, словно живая кровь струилась по изнанке. Воротник плаща был высоким, жёстким, и из него, как из оправы драгоценного камня, выступала бледная, словно выточенная из мрамора голова. Лицо вампира было длинным и узким, с аристократической, почти женственной красотой — высокие скулы, тонкий, с лёгкой горбинкой нос, безупречно очерченные губы. Кожа его была белее алебаstra, и на висках проступала тонкая сетка тёмных вен. Глаза — глубоко посаженные, с багровыми зрачками, горящими мягким, но отнюдь не добрым светом, — смотрели на мир с выражением спокойного, всеобъемлющего превосходства. Уши его, длинные и заострённые, были не такими грубыми, как у стражей, — они были изящнее, тоньше, и кончики их чуть подрагивали, словно ловили не только звуки, но и мысли. На его груди, на цепочке из чёрного железа, висел знак Белой Луны — тот же, что украшал ворота цитадели, но более изысканный, более древний. В руке он держал не алебарду, не меч — тонкий, чёрный жезл, увенчанный небольшим, тускло мерцающим кристаллом.

Рядом с ним Виго, всегда казавшийся Фоме угрожающим и значительным, выглядел как деревенский мясник рядом с королевским посланником.

— Меня зовут Ален, — произнёс вампир, и его голос был именно таким, каким ему и полагалось быть: низким, бархатным, обволакивающим, с лёгкой, едва уловимой вибрацией, от которой почему-то холодело в груди. — Я помощник Юверина. Правая рука Владыки Дома Белой Луны. — Он сделал небольшую, но многозначительную паузу, давая Фоме осознать вес этих слов. — Виго сообщил мне, что ты ищешь встречи с Древним Люкой. Какое у тебя к нему дело?

Фома поднялся с лежанки. Он стоял перед Аленом — грязный, в рваном балахоне, босой, с проклятым амулетом на шее, — но его осанка была прямой, а взгляд твёрдым. Он не стал кланяться. Не стал опускать глаза.

— А где сам Люка? — спросил он. — Я буду говорить только с ним.

Лицо Алена не изменилось, но в багровых глазах промелькнуло нечто — не гнев, не раздражение, а скорее холодная, оценивающая усмешка.

— Древние не встречаются с низшими, — произнёс он с той же бархатной, почти ласковой интонацией. — Ты можешь передать всё, что хотел сказать, мне. Я передам. Слово в слово.

— Нет, — отрезал Фома. — Это послание — только для Люки. Я не могу доверить его никому другому.

Улыбка Алена стала чуть шире, но от этой улыбки повеяло таким холодом, что даже новенькие, спавшие на лежанках, заворочались во сне, словно почувствовали неладное.

— А я могу, — произнёс он всё тем же мягким голосом, — прямо сейчас бросить тебя в нашу тюрьму. Ты слышал о нашей тюрьме? Нет? Я расскажу. Это не барак. Это не болото. Это место, где время течёт иначе. Где темнота такая густая, что ей можно подавиться. Где ты будешь вспоминать те счастливые деньки, когда ты был просто рабом и ел раз в неделю крыс, — как самые светлые моменты своей жизни.

Он замолчал, давая Фоме прочувствовать каждое слово.

— И я ведь могу это сделать прямо сейчас, — продолжал Ален почти дружелюбно. — Просто кивнуть страже — и ты исчезнешь. Навсегда. Никто не вспомнит о тебе. Никто не спросит. Ты — никто. Раб. Пыль. Крысиный корм.

Фома молчал. Он смотрел в багровые глаза Алена и лихорадочно соображал. Он не мог сказать правду. Правда — пароль «Солнце не щадит никого» — была единственной ниточкой, связывающей его с Люкой, с Гадаром, с заговором против Юверина. Если он выдаст её сейчас, она обесценится. Ален мог быть кем угодно — правой рукой Юверина, шпионом, предателем. Доверять ему было нельзя. Но и настаивать на личной встрече с Люкой значило вызвать ещё больше подозрений. Он уже и так сказал слишком много. Нужно было выкручиваться.

И он начал врать.

— У меня был древний запечатанный свиток, — произнёс он, и его голос, ровный и спокойный, не дрогнул. — Свиток для Люки. И в подарок ему — бутылка с кровью серийного убийцы. Но на меня и на мой караван напали людоеды. Караван захватили. Свиток отобрали. А бутылку с кровью... — он выдержал короткую, почти незаметную паузу, — бутылку с кровью у меня отобрал Виго.

Тишина, наступившая за этими словами, была оглушительной.

Виго, стоявший чуть позади Алена, замер. Его единственный глаз расширился до такой степени, что, казалось, вот-вот выкатится из глазницы. Бельмо, как всегда, осталось неподвижным, но живой зрачок дрожал, как у загнанного зверя. Он открыл рот, потом закрыл. Его лицо, обычно сохранявшее циничное, насмешливое выражение, теперь отражало чистый, незамутнённый ужас. Он явно не ожидал такого поворота. Он думал, что раб будет просить, унижаться, может быть, предложит ещё что-нибудь, но он не ожидал, что раб, этот странный, нечитаемый раб, сдаст его с потрохами. Прямо перед Аленом. Прямо перед помощником Юверина.

Ален медленно повернул голову. Его движение было плавным, почти змеиным. Багровые глаза усталились на Виго, и в них больше не было ни бархата, ни мягкости. Только холод. Только пустота. Только древний, бездонный голод.

— Виго, — произнёс он, и имя надсмотрщика прозвучало как хруст ломающейся кости. — Где бутылка?

Виго судорожно сглотнул. Его рука, дрожа, потянулась к карману дублета. Он вытащил бутылку — ту самую, тёмную, тяжёлую, — и протянул её Алену. Его пальцы тряслись так, что стекло звенело.

— Мастер Ален, — забормотал он, и его голос, обычно хриплый и уверенный, стал тонким, заискивающим, каким-то смазанным, — я... я как раз собирался... После встречи... Я хотел передать эту кровь вам. Лично вам. Как только всё закончится. Я бы никогда...

— Хватит!

Голос Алена хлестнул, как удар бича. Виго осёкся на полуслове. Его челюсть задрожала, и длинные клыки — те самые, что ещё утром скалились в усмешке, — жалко блеснули в свете факелов. Он выглядел сейчас не как надсмотрщик, не как хозяин положения, а как пойманный с поличным воришка. Как раб, которого застали за кражей хозяйского ужина.

Ален, не сводя с него взгляда, чуть повысил голос — ровно настолько, чтобы его услышали за дверью:

— Стража!

Дверь распахнулась почти мгновенно. Двое стражников — те самые, что стояли снаружи, — вошли и замерли, ожидая приказа. Их лица были бесстрастны, но глаза выдали их: они видели гнев помощника Юверина и не хотели оказаться на месте Виго.

— Взять его, — произнёс Ален, кивнув на надсмотрщика.

— Мастер, прошу! — вскрикнул Виго, но было поздно.

Стражники подошли к нему с двух сторон. Тот, что слева, грубо вывернул ему руку за спину. Тот, что справа, сорвал с пояса надсмотрщика связку ключей. Виго не сопротивлялся — он был опытным вампиром, он знал, что сопротивление только ухудшит его участь. Он только смотрел на Алена, и в его единственном глазу читалась мольба. Мольба, смешанная с пониманием. Он знал, куда его ведут. Он знал, что это конец.

— Ты ведь знаешь закон, Виго, — произнёс Ален почти ласково. — Вся кровь принадлежит Древним. Вся. До последней капли. А ты попытался утаить. Украсть. Присвоить то, что тебе не принадлежит. — Он помолчал, потом махнул рукой. — Уведите.

Стражники выволокли Виго из барака. Его сапоги проскребли по каменному порогу, и ещё несколько секунд из коридора доносились его шаги — неровные, спотыкающиеся, — а потом всё стихло. Дверь осталась открытой, и в проёме колыхался зеленоватый туман Болот.

Ален не смотрел ему вслед. Он смотрел на бутылку.

Он поднёс её к свету факела — медленно, благоговейно, словно в его руках была не бутылка с кровью, а величайшая драгоценность мира. Свет проходил сквозь тёмное стекло, и жидкость внутри отливала глубоким, рубиновым блеском. Ален покрутил бутылку, наблюдая, как кровь стекает по стенкам — густо, медленно, оставляя маслянистые разводы. Его тонкие пальцы, унизанные перстнями с тёмными камнями, поглаживали стекло с почти чувственной нежностью. На его лице — на этом аристократическом, бесстрастном лице — проступило выражение, какого Фома ещё не видел. Это было не просто удовольствие. Это было блаженство. Словно он держал в руках не кровь, а саму вечность. Словно все сокровища мира — золото, самоцветы, древние артефакты, магические сферы, — всё это было ничем по сравнению с тем, что он сейчас держал.

— Кровь серийного убийцы, — прошептал он, и в его голосе прозвучали нотки, которых Фома не ожидал, — нотки почти религиозного трепета. — Не простая. Выдержанная. Зрелая. Ты даже не представляешь, смертный... или кто ты там... что ты мне принёс. Эта кровь... она особенная. В ней есть ноты страха, гнева, отчаяния — да, — но есть и нечто большее. Есть душа. Искра. Последний крик жертвы, застывший в вечности. Это не напиток. Это произведение искусства.

Он долго, не меньше минуты, просто смотрел на бутылку, забыв обо всём на свете. Потом, с видимым усилием, отвёл от неё взгляд и спрятал в складках своего плаща.

— Пошли со мной, — сказал он Фоме и, не оглядываясь, вышел из барака.

Фома последовал за ним.

Они вышли во двор, и здесь, в ночной темноте, Дом Белой Луны выглядел ещё более угнетающе, чем днём. Зелёные факелы на стенах горели неровно, и их дрожащий свет выхватывал из мрака то кусок замшелой стены, то клочья паутины, то силуэт стражника, застывшего на посту. Но Ален не повёл Фому через двор. Он свернул к узкой, вырубленной прямо в скале лестнице, что уходила вверх, к замку.

Лестница была длинной и крутой. Ступени, стёртые тысячами ног, поблёскивали в свете факелов — влажные, скользкие, покрытые зеленоватым налётом. С обеих сторон лестницу обступали чёрные скалы, и на них, высеченные прямо в камне, громоздились лики — древние, выветренные, почти стёртые временем. Одни изображали вампиров в полный рост, с распростирытыми объятиями. Другие — сцены охоты: клыкастые фигуры, склонившиеся над людьми.

Третьи были просто символами — луны, мечи, капли крови, — но все они дышали древностью, все они были свидетелями веков, прошедших над этим проклятым местом.

Фома поднимался вслед за Аленом, и с каждым шагом тяжесть давила на плечи всё сильнее. Не физическая тяжесть — иная. Та, что исходит от старых, пропитанных кровью и страданием камней. Стены замка, нависавшие над лестницей, казалось, впитывали свет факелов и не отдавали его обратно. Они были чёрными — не просто тёмными, а именно чёрными, как застывшая смола, — и в их глубине угадывалось какое-то движение. Не мыши. Не крысы. Что-то иное. Что-то древнее. Что-то голодное.

Наконец они достигли вершины и вошли в замок.

Коридоры Дома Белой Луны были узкими и высокими, словно рассчитанными на существ, которые не ходят, а парят. Потолки терялись во мраке, и оттуда, из этой черноты, свисали бесконечные полотна паутины — толстой, слоистой, колышущейся от сквозняка. Факелы здесь горели тем же зеленоватым пламенем, но их свет был слабее, приглушённое, и он не столько освещал коридор, сколько создавал в нём причудливую, обманчивую игру теней. Тени эти металась по стенам, сплетались, разбегались, и чудилось, будто за каждым углом кто-то стоит. Кто-то ждёт. Кто-то следит.

Стены были украшены гобеленами — но какими гобеленами! Они не изображали ни охот, ни пиров, ни битв. Они изображали смерть. Медленную, мучительную, изощрённую. Вот человек, пронзённый дюжиной клинков, но всё ещё живой. Вот вампир, пьющий кровь из горла жертвы, и лицо его искажено экстазом. Вот луна — Белая Луна, — под которой на кольях висят тела, и их глаза, остекленевшие, но ещё живые, смотрят прямо на зрителя. Краски гобеленов поблёкли от времени, но красный — цвет крови — остался ярким, словно его подновляли. Словно гобелены питались кровью.

Пол коридора был выложен чёрными и алыми плитами, и их чередование создавало иллюзию движения — казалось, будто пол пульсирует, дышит, как живое существо. Шаги тонули в этом камне, и тишина стояла такая, что Фома слышал не только собственное дыхание, но и дыхание Алена — ровное, спокойное, размеренное.

Они миновали несколько поворотов, прошли через анфиладу залов — пустых, холодных, заставленных каменными скамьями и алтарями, — и, наконец, спустились по ещё одной лестнице, уходящей вниз. Здесь воздух стал холоднее, и запах — тот самый сладковатый запах гнили, что преследовал Фому повсюду в Болотах, — усилился. К нему примешался другой запах — запах старого камня, воска и ещё чего-то, не поддающегося определению. Может быть, запах самой смерти. Может быть, крови. Может быть, времени.

Они вошли в склеп.

Это был огромный зал, уходящий в темноту так далеко, что его дальняя стена терялась из виду. Потолок подпирали массивные каменные колонны, высеченные в форме скрещённых мечей, и каждая колонна была оплетена паутиной. Вдоль стен, рядами, стояли гробы. Но не простые деревянные ящики, в каких хоронили смертных. Нет — это были произведения искусства. Чёрный мрамор с золотыми прожилками, тусклое, покрытое патиной. Чёрное дерево, инкрустированное перламутром и костью. Гробы стояли на постаментах, украшенных барельефами, и каждый был уникален. Один походил на саркофаг древнего короля — с изваянием вампира в полный рост на крышке. Другой был строг и аскетичен — просто чёрный камень без единого украшения, но от него веяло такой мощью, что Фома невольно замедлил шаг. Третий был увит каменными розами, и их лепестки, казалось, шевелились в дрожащем свете факелов.

Между гробами стояли канделябры с чёрными свечами, и их пламя было зеленоватым, как и всё здесь. Воздух в склепе был настолько холодным, что изо рта — если бы у Фомы ещё шёл пар изо рта — вырывались бы клубы тумана. Но он не дышал. Никто здесь не дышал. И всё же тишина не была полной. Где-то в глубине склепа, на самой грани слышимости, звучало

нечто вроде пения — низкого, вибрирующего, похожего на гудение болотных шершней. Может быть, это пели сами гробы. Может быть, те, кто лежал в них.

Ален подошёл к одному из гробов — тому самому, строгому, без украшений, — и склонился над ним. Его губы зашевелились, но Фома не слышал слов. Он стоял поодаль и наблюдал. Ален шептал что-то, и его шёпот, едва уловимый, вплетался в тишину склепа, как нить паутины. Он замолк, прислушался. Из гроба не донеслось ни звука — но, видимо, ответ был получен, потому что Ален выпрямился и, кивнув своим мыслям, развернулся.

— Идём, — бросил он Фоме.

Они покинули склеп и снова углубились в лабиринт коридоров. На этот раз путь был короче. Через несколько минут Ален остановился перед массивной дубовой дверью, окованной полосами чёрного железа. Он достал из складок плаща ключ — длинный, тонкий, с замысловатой бородачкой, — отпер замок и распахнул дверь.

— Жди здесь, — сказал он.

Фома переступил порог. Комната, в которой он оказался, была невелика — шагов пять в длину и столько же в ширину. Каменные стены, грубо отёсанные, были покрыты всё той же вездесущей паутиной. У одной стены стояла простая лежанка, застеленная истлевшим, полусгнившим покрывалом. У другой — грубый деревянный стол, на котором горел одинокий факел. Не зелёный — обычный, живой, с жёлтым, колеблющимся пламенем. И это, как ни странно, пугало больше всего. Здесь, в царстве мёртвого зелёного огня, живой огонь казался чужеродным, неправильным, почти насмешкой. Он отбрасывал на стены пляшущие тени, и тени эти жили своей жизнью — дёргались, извивались, сплетались в причудливые фигуры.

В комнате не было окон. Только стены, лежанка, стол, факел. И тишина. Та самая тишина, что наступает, когда захлопывается дверь.

Ален, не прощаясь, вышел и запер дверь снаружи. Лязг замка прозвучал как приговор.

Фома остался один.

Он сел на лежанку и оглядел своё новое жилище. Оно было немногим лучше барака. Та же плесень. Та же сырость. Тот же холод. Но здесь, по крайней мере, не соседей и их стонов.

Он замер и прислушался. Тишина. Только факел потрескивает, да где-то далеко-далеко, в недрах замка, едва слышно гудит что-то — не то ветер, не то голоса, не то пение из склепа.

Фома откинулся к стене и закрыл глаза. Он сделал это. Он выбрался из барака. Он купил себе шанс. Пусть даже ценой предательства. Пусть даже ценой свободы Виго. Теперь оставалось только ждать.

Ждать, когда за ним придут. Ждать встречи с Люкой. Ждать возможности снять амулет. Ждать, когда он снова станет собой — не рабом, не узником, а Бароном Древнего Лагеря, высшим вампиром, повелителем шести кругов магии.

Он ждал. А замок вокруг него жил своей жизнью — древней, мрачной, пропитанной кровью и ужасом. И где-то там, в самом его сердце, на троне, упирающемся шпилем в Пелену, сидел Юверин. Вторая Великая Сфера. Цель. Враг.

Но это всё будет потом. А пока — тишина. Одиночество. Факел. И ожидание. Бесконечное, как сами Болота.

Глава 5

Шаги в коридоре слышались не сразу. Фома успел привыкнуть к тишине — к той особенной, давящей тишине, какая бывает только в старых замках, где каждый камень помнит кровь. Он сидел на лежанке, привалившись спиной к холодной стене, и смотрел на огонь факела. Жёлтое, живое пламя танцевало на сквозняке, и его танец завораживал. Но мысли Фомы были далеко — там, в склепе, где Ален шептал что-то древнему вампиру. Что он сказал? Кому он сказал? Люке? Или кому-то другому? И чем всё это обернётся для него самого?

Шаги раздалились внезапно — чёткие, размеренные, уверенные. Они приближались, и Фома узнал поступь Алена: та же ритмичность, та же холодная, аристократическая неспешность. Лязгнул замок. Дверь отворилась.

На пороге стоял Алэн. Всё тот же длинный чёрный плащ, всё тот же высокий воротник, всё то же бледное, словно выточенное из мрамора лицо. Но что-то в нём изменилось. Его взгляд, прежде надменный и оценивающий, теперь был... никаким. Пустым. Словно он смотрел не на Фому, а сквозь него. Или, может быть, вглубь него.

— Пошли за мной, — произнёс он коротко, и в его голосе Фома уловил нотку, которой не было раньше. Настороженность? Любопытство? Или, может быть, страх?

Фома поднялся и вышел в коридор. Алэн уже шёл вперёд, и его плащ развевался за спиной, как чёрное крыло. Они двинулись по коридору — тому самому, которым Фома шёл несколько часов назад, но теперь всё казалось иным. Может быть, потому, что факелы горели ярче. Может быть, потому, что паутина, свисавшая с потолка, стала гуще. А может быть, потому, что сам воздух изменился — стал плотнее, тяжелее, словно пропитался ожиданием.

Они миновали анфиладу залов — пустых, холодных, заставленных каменными скамьями. Прошли мимо гобеленов, изображающих смерть. Свернули к лестнице.

Лестница уходила вверх. Бесконечно вверх. Это была не та лестница, по которой они спускались в склеп, — та была широкой и пологой, вырубленной в скале. Эта же была узкой, винтовой, зажатой между двумя стенами, и её ступени, стёртые тысячами ног, напоминали клавиши древнего, замолкшего органа. Факелы на стенах горели зеленоватым пламенем, и их свет, дрожащий и неверный, выхватывал из темноты то барельеф с оскаленной пастью, то пучок паутины, то скрюченную тень, которая исчезала, стоило приблизиться.

Они шли долго. Очень долго. Фома считал ступени — сначала из любопытства, потом по привычке, потом просто, чтобы занять мысли. Сто. Двести. Триста. Лестница всё не кончалась. Она вилась и вилась, как змея, забравшаяся в башню, и с каждым витком воздух становился холоднее, а тишина — глубже. Казалось, они поднимаются не просто в верхние ярусы замка, а в какое-то иное измерение, где время текло иначе и пространство искривлялось.

Наконец лестница кончилась. Они вышли в небольшой тамбур, украшенный двумя статуями — гигантскими чёрными летучими мышами с распростёртыми крыльями, высеченными из обсидиана. Глаза статуй горели багровыми рубинами, и их взгляд, казалось, следил за каждым движением. Алэн даже не взглянул на них — он прошёл мимо, как проходит мимо привычной мебели. Фома, напротив, задержался на мгновение. Ему почудилось, что рубиновые глаза дрогнули.

Двери, к которым они подошли, были огромны — в три человеческих роста, — и сделаны они были не из дерева, не из камня, а из чего-то, что Фома не смог определить. Материал отливал тусклым металлическим блеском, но был полупрозрачным, как мутное стекло. По его поверхности пробегали тёмные волны, словно внутри жила какая-то жидкость. На створках были вырезаны две луны — белая и чёрная, — и меч, рассекающий их пополам. Алэн коснулся двери ладонью, и она бесшумно отворилась.

Они вошли в зал.

Огромный зал. Колоссальный. Такой, что его дальние стены терялись в полумраке, а потолок уходил вверх настолько высоко, что факелы, горевшие на нём, казались далёкими звёздами. Зал был круглым — идеально круглым, словно его спроектировал не архитектор, а математик, одержимый совершенством формы, — и его стены, сложенные из чёрного, отполированного до зеркального блеска камня, отражали свет факелов, множа его и дробя.

В центре зала стоял стол. Такой же огромный, как и сам зал, — длинный, массивный, вытесанный из цельного куска чёрного дуба. Его поверхность, отполированная временем и тысячами прикосновений, блестела в свете факелов, и на ней, расставленные через равные

промежутки, стояли кубки из тёмного, почти чёрного хрусталя. В кубках темнела густая, маслянистая жидкость.

За столом сидели вампиры.

Их было много — около трёх десятков, — и каждый был страшен по-своему. Фома, обведя их взглядом, мгновенно понял иерархию этого места. Она читалась во всём: в одежде, в позах, в выражении лиц.

Ближе к дальнему концу стола, по обеим сторонам, сидели высшие вампиры. Те, кого Фома уже видел раньше — в Древнем Лагере, в свите Барона. Они были облачены в доспехи — тяжёлые, пластинчатые, из чёрного железа и крокодильей кожи, — и их длинные, заострённые уши торчали в стороны, ловя каждый звук. Их лица, вытянутые, хищные, с выступающими клыками, были напряжены, а багровые глаза следили за Фомой с холодным, оценивающим интересом. Они держались прямо, но в их осанке не было величия — только дисциплина, вымуштрованная веками службы. Это были воины. Стражи. Псы Древних.

Ближе к центру стола, занимая самые удобные и почётные места, сидели Древние.

Древние... Это были не просто вампиры. Это были существа, в которых человеческого осталось так мало, что их можно было принять за порождения иного мира. Их кожа, бледная до прозрачности, обтягивала черепа так туго, что под ней проступали кости. Глаза горели глубоким, багровым огнём — не просто красным, а именно багровым, с алыми прожилками, — и в их глубине угадывались века, прожитые во тьме. Их уши, длинные и тонкие, были не просто заострены — они были украшены костяными кольцами, продетыми в мочки и хрящи, и каждое такое кольцо, по слухам, означало убитого врага. Их волосы, белые как снег, струились по плечам, иные были заплетены в тонкие косицы, иные — свободно ниспадали, касаясь спинки высокочисленных тронов кресел.

Одежды Древних были под стать им самим — древние, роскошные и пугающие. Мантии из чёрного бархата, расшитые рунами, светящимися тусклым багровым светом. Плащи из кожи болотных крокодилов, скреплённые застёжками из кости людоедов. Наплечники, выкованные в форме черепов — не человеческих, а каких-то иных, вытянутых, с рогами, — и эти черепа, казалось, шептали что-то на мёртвом языке. У каждого Древнего на шее висел амулет, но не простой, не проклятый — символ Белой Луны, исполненный из чёрного железа и украшенный рубином, горящим как капля крови. И у каждого за спиной, на спинке кресла, висел меч — длинный, узкий, с клинком, покрытым вязью рун, и рукоятью, обмотанной кожей.

Они не шевелились. Они сидели неподвижно, как статуи, и только глаза их двигались — медленно, неотрывно следя за Фомой. И в этих глазах читалось не любопытство. Не удивление. Читалась древняя, бездонная, всепоглощающая жажда. Голод, который не утолить ни крысиной кровью, ни человеческой, ни кровью серийного убийцы. Голод, который могла утолить только сила.

Но самым страшным был тот, кто сидел во главе стола.

Юверин.

Если Древние казались существами, прожившими века, то Юверин выглядел так, словно он был старше самого времени. Это был не просто старый вампир — это была развалина. Его лицо было так изборозжено морщинами, что напоминало карту древнего, давно исчезнувшего мира — каждая складка, каждая трещина была руслом высохшей реки, по которой когда-то текла кровь. Кожа, истончившаяся до состояния пергамента, обтягивала выступающие скулы, глубокие глазницы, острый, как клюв хищной птицы, нос. Губы его были тонкими, бескровными, и за ними угадывались клыки — длинные, пожелтевшие от времени, но всё ещё острые. Глаза... глаза Юверина были не багровыми. Они были алыми. Чистого, яркого, пульсирующего алого цвета, словно две капли свежей крови, и в их глубине не было ничего — ни злобы, ни гнева, ни даже голода. Только бездна.

Он сидел на троне, высеченном из цельного куска чёрного мрамора, и его иссохшие, похожие на когти руки покоились на подлокотниках. На его голове была корона — простая, грубая, выкованная из чёрного железа, — и в центре её горел огромный рубин, тот самый, что Фома видел на гербе Дома Белой Луны. Белая Луна, пронзённая тремя мечами. Корона сидела на его голове криво, но в этой кривизне было больше величия, чем во всех коронах, которые когда-либо носили смертные короли.

За спиной Юверина, возвышаясь над тронном, стоял гроб.

Это был не просто гроб — это был монумент. Огромный, массивный, вытесанный из цельного чёрного мрамора с золотыми прожилками, которые в свете факелов казались молниями, застывшими в камне. Его крышка была украшена барельефом, изображавшим всё ту же Белую Луну, но здесь она была не пронзена мечами — она парила над полем боя, и под ней армии вампиров, высеченные с мельчайшими деталями, шли в вечную атаку. По углам гроба стояли четыре изваяния — четыре летучие мыши с распростёртыми крыльями, вырезанные из обсидиана, с глазами из алых рубинов. Казалось, они охраняют покой того, кто лежит внутри. Или того, кто восседает перед ним.

Когда Ален и Фома вошли в зал, всё изменилось.

Тишина, и без того глубокая, стала абсолютной. Лязгнув, закрылась дверь за спиной. Факелы на стенах дрогнули, словно от сквозняка. И все вампиры — все до единого, от высших стражей до древних аристократов — повернули головы.

Их ноздри затрепетали.

Фома шёл вслед за Аленом, и его шаги — босые, бесшумные — отдавались в тишине лишь благодаря эху, многократно усиленному стенами. Он чувствовал, как взгляды впиваются в него, как щупальца невидимых голодных тварей. Вампиры принохивались — долго, глубоко, с присвистом, — и их лица искажались гримасой недоумения. Они не чувствовали его. Они чували пустоту. И эта пустота пугала их больше, чем любой запах. Они переглядывались, шептались, и их шёпот, похожий на шорох крыльев, разносился по залу.

Ален остановился в нескольких шагах от стола. Фома остановился рядом. И в этот момент голос — древний, надтреснутый, но полный скрытой, нечеловеческой силы, — разорвал тишину, как нож разрывает гнилую ткань.

— Кто ты?

Это спросил Юверин. Он не повернул головы — только его алые глаза медленно, очень медленно переместились и уставились на Фому. И под этим взглядом, казалось, сам воздух заледенел.

Фома открыл рот, собираясь начать свою старую легенду — про Пустоши, про караван, про людоедов, — но Юверин поднял руку. Всего лишь поднял руку — тонкую, иссохшую, похожую на ветку мёртвого дерева, — и Фома осёкся.

— Хватит, — произнёс Владыка. — Я слышал достаточно лжи. Ален рассказал мне всё. — Он помолчал, и его алые глаза сузились. — Ты не торговец. Ты не из Пустошей. Ты — никто. Пустота в форме человека. И я хочу знать, что ты такое.

Он повернул голову — едва заметно, на какой-то неуловимый градус — и посмотрел на одного из Древних.

— Ресо.

Древний, к которому обратился Юверин, поднялся. Он был высок и тощ, как скелет, обтянутый кожей, и его мантия, расшитая рунами, волочилась за ним, как саван. Его лицо, более живое, чем у Юверина, но всё же тронутое печатью веков, выражало холодное, бесстрастное внимание. Он подошёл к Фоме — его шаги были бесшумны, как у призрака, — и остановился в шаге от него.

— Сними с него амулет, — приказал Юверин.

Ресо протянул руку. Его пальцы, длинные и узловатые, с когтями, покрытыми чёрным лаком, коснулись амулета. Он не стал дёргать, не стал ломать — он просто что-то прошептал, едва слышно, на древнем, шипящем языке, и амулет, тот самый амулет, что выдержал удар камня, что убил Атилу, что насмеялся над Фомой неделями, — упал. Просто упал, как сухой лист, и со звоном ударился о каменный пол.

И мир взорвался.

Фома почувствовал, как сила — та самая сила, что была заперта в нём, — рванулась наружу, заполняя каждую клетку его мёртвого тела. Это было похоже на пробуждение после долгого, мучительного сна. Мана, бесконечная, неиссякаемая, хлынула в его жилы, и интерфейс перед его внутренним взором вспыхнул — больше не красным, тревожным, а ярким, сияющим, ликующим:

[Амулет Проклятия снят!]

[Мана: восстановлена.]

[Заклинания кругов 1–6: активны.]

[Вампирские способности: активны.]

[Истинная невидимость: активна.]

[Вампирское обольщение: активно.]

[Меч Ночи: активен.]

[Призыв вампира: активен.]

[Удар Ночи: активен.]

[Полёт: активен.]

Он снова был собой. Не рабом. Не узником. Не торговцем из Пустошей. Он был Фомой, Бароном Древнего Лагеря, высшим вампиром, повелителем шести кругов магии, обладателем Великой Сферы. И он был готов.

Юверин снова принялся. На этот раз — по-настоящему. Его ноздри, тонкие и острые, затрепетали, втягивая воздух. Он водил носом из стороны в сторону, словно гончая, взявшая след. Но его лицо, вместо того чтобы проясниться, исказилось гримасой раздражения. Он не чувствовал ничего. Великая Сфера, даровавшая Фоме способность скрывать свою сущность, работала безупречно. Даже перед самим Владыкой Ночи.

Тогда Юверин сделал то, чего Фома не ожидал.

Он выпрямился на своём троне. Его спина, сторбленная, иссохшая, на мгновение распрямилась, и он стал выше, страшнее. Его алые глаза вспыхнули с новой силой, и из его горла вырвался звук — низкий, вибрирующий, древний, как само время. Он произнёс заклинание. Не на том языке, на котором говорили в Котле. Не на том, которому учил Милон. Это был язык, на котором говорили вампиры, когда мир был молод. Язык силы. Язык крови. Язык приказа.

— Я, Юверин, повелитель Дома Белой Луны, Владыка Ночи, приказываю тебе: покажи свою сущность!

И Фома не смог сопротивляться.

Приказ прозвучал не как просьба — как удар. Он проник в самую глубину его существа, туда, где таилась вампирская природа, и рванул её наружу. Фома почувствовал, как его тело начинает меняться. Кости захрустели, перестраиваясь. Мышцы вздулись, разрывая ткань балахона. Позвоночник выгнулся дугой. Кожа на спине лопнула, и из разрывов, как два чёрных паруса, вырвались огромные перепончатые крылья. Они росли, ширились, разворачивались, и их тень накрыла весь зал — от стены до стены, от пола до потолка. Огромная чёрная летучая мышь, трёхметровая, с кроваво-красными глазами, горящими в полумраке, предстала перед собранием вампиров во всей своей ужасающей, первобытной мощи.

Зал ахнул.

Это был не просто вздох — это был коллективный, синхронный выдох, полный изумления, страха и... восхищения. Высшие вампиры, те, что сидели ближе к выходу, отпрянули,

хватаясь за мечи. Но Древние — Древние остались неподвижны. Они смотрели на Фому, и в их багровых глазах читалось узнавание. Они видели перед собой не низшего вампира. Не высшего. Они видели равного. Высшего вампира такой силы, какой не обладал никто в этом зале, кроме самого Юверина.

Фома в порыве ярости, всё ещё не контролируя превращение, рванулся вперёд. Его крылья, огромные, перепончатые, хлопнули, подняв ветер, от которого пламя факелов заколебалось. Он хотел напасть на Юверина — прямо сейчас, не откладывая, вонзить клыки в его иссохшую шею и покончить с этим. Но какая-то часть его — та самая, что когда-то была Фомой-ремесленником, а потом стала Фомой-стратегом, — остановила его. Вампиров было слишком много. Древние, высшие, стража — их было три десятка, и каждый из них был вооружён, каждый был опытен, каждый был предан Юверину. Даже с его силой, даже с магией шестого круга — он не выстоял бы против всех. Это было бы самоубийством. А он не имел права умирать. Пока не имел.

Юверин не шелохнулся. Его лицо, изборождённое морщинами, осталось бесстрастным. Только алые глаза блеснули — не гневом, не страхом, а чем-то похожим на удовлетворение.

— Итак, — произнёс он, и его голос, надтреснутый и древний, разнёсся по залу. — Высший вампир. Равный мне по силе. И зачем ты здесь?

Фома сделал глубокий вдох — уже не для того, чтобы успокоиться, а чтобы подавить остатки ярости, — и выпрямился. Его ответ должен был быть идеальным.

— Я здесь, Владыка, чтобы служить тебе.

Тишина. Даже факелы, казалось, перестали трещать.

— Кто обратил тебя? — спросил Юверин, и в его голосе впервые прозвучало нечто, чего Фома не ожидал: напряжение. Ожидание.

— Твой брат, — ответил Фома, и каждое слово упало в тишину, как камень в воду. — Гадар.

Зал замер.

Наступившая тишина была такой глубокой, такой плотной, что, казалось, её можно было резать ножом. Вампиры перестали шептаться. Высшие застыли, как изваяния. Древние переглянулись — впервые за всё время. И в их взглядах читалось нечто, чего Фома не видел раньше: страх. Или, может быть, память. Память о чём-то древнем, тёмном, что они надеялись забыть навсегда.

Юверин молчал. Его лицо, и без того неподвижное, превратилось в маску. Но его глаза — его алые глаза — горели. Горели огнём, в котором смешались ненависть, боль и что-то ещё. Что-то, чего Фома не мог понять.

— Значит, — произнёс он наконец, и его голос был тих, почти шёпот, — этот предатель выжил.

— Выжил, Владыка, — подтвердил Фома.

Юверин помолчал, переваривая услышанное. Потом его тонкие губы искривились в подобии усмешки — горькой, ядовитой.

— И почему же ты решил предать его?

Вопрос прозвучал как пощёчина. Фома почувствовал, как внутри снова закипает ярость, но подавил её. Он посмотрел Юверину прямо в глаза — в эти алые бездонные провалы — и ответил. Его голос был ровным, но в нём звенела сталь.

— А с чего ты взял, что я собрался его предать?

По залу пронёсся шелест — вампиры зашептались, задвигались. Кто-то из высших положил руку на меч. Ален, стоявший рядом с Фомой, побледнел ещё больше и попятился. Но Юверин не шелохнулся. Только его глаза сузились, и в их алой глубине зажёгся холодный, расчётливый огонь.

— Это слишком самоуверенно, — произнёс он. — Ты не боишься, что я убью тебя прямо здесь и сейчас?

И тогда Фома сделал то, чего никто не ожидал.

Он включил своё вампирское обаяние. Не то, которому научился от Гадара, — нет. Он включил ту особую, усиленную Великой Сферой способность, которую получил в наследство от Ксенагора и самого Котла. Его голос, когда он заговорил, изменился. Он стал глубже, мягче, обволакивающе. Он проникал в разум, минуя защиту, и касался самых глубоких, самых древних струн вампирской души.

— А почему ты думаешь, — произнёс он, и каждое слово падало, как капля крови в чашу, — что ты меня убьёшь, а не я тебя?

Древние замерли. Высшие вампиры затаили дыхание. Даже Ресо, всё ещё стоявший рядом, отступил на шаг.

— И вообще, — продолжал Фома, и его голос стал ещё мягче, ещё глубже, — можно никого не убивать. Я пришёл не за твоей смертью, Владыка. Я пришёл за правдой. Я хочу знать, почему ты пытался убить своего старшего брата.

Он выдержал паузу. Зал, затаив дыхание, ждал.

— Расскажи мне, Юверин. Расскажи, что произошло. И тогда я решу, кому служить.

Юверин долго смотрел на него — долго и пристально. Потом его плечи, обтянутые мантией, чуть опустились. Алый огонь в его глазах потускнел, стал мягче. Вампирское обаяние Фомы работало. Оно не подчиняло — оно успокаивало, гасило гнев, пробуждало желание говорить.

— Ты хочешь знать правду? — переспросил Юверин, и в его голосе прозвучала усталость. — Хорошо. Слушай.

Он откинулся на спинку трона, и его лицо на мгновение стало не лицом Владыки Ночи, а лицом старого, очень старого человека, который прожил слишком долго и помнил слишком много.

— Мы были братьями, — начал он. — Гадар и я. Мы вместе создали Дом Белой Луны. Вместе правили Болотами. Вместе держали в страхе всех — и людей, и вампиров, и тварей, что живут в топях. Мы были равны. Он был сильнее, я был мудрее. Он вёл в бой, я правил. И так было триста лет.

Он замолчал, и его взгляд устремился куда-то вдаль, сквозь стены замка, сквозь Болота, сквозь саму Пелену.

— А потом появились людоеды. Они вышли из топей — огромные, страшные, с кожей, похожей на камень. Наши клыки не брали их шкуру. Наши мечи оставляли лишь царапины. Они стали нападать на караваны, на патрули, на охотников. И Гадар предложил союз. Он сказал: «Давай договоримся с ними. Дадим им кров, дадим им мясо, дадим им землю — и они станут нашими псами». Но я отказался. Я сказал: «Мы — вампиры. Мы — высшая раса. Мы не заключаем союзов с животными». Тогда Гадар решил действовать за моей спиной.

Юверин сжал пальцы на подлокотнике, и дерево под ними жалобно заскрипело.

— Он вступил в сговор с людоедами. Он обещал им Дом Белой Луны. Он обещал им мою голову и головы всех Древних, которые не поддержат его. Он хотел устроить резню — прямо здесь, в этом самом зале. И ему почти это удалось.

— Почти? — переспросил Фома.

— Меня предупредили, — ответил Юверин. — Один из людоедов, старый шаман, предал своего вождя и пришёл ко мне. Он рассказал всё: и про заговор, и про план нападения, и про то, что Гадар уже обратил нескольких высших вампиров в своих слуг. Я не хотел верить. Гадар был моим братом. Моим старшим братом. Но когда я пришёл к нему, он не стал отпираться. Он сказал: «Ты слаб, Юверин. Ты боишься силы. Ты боишься величия. С тобой Дом Белой Луны обречён. Я должен занять твоё место». И он напал на меня. Прямо там, в его покоях. Мы

сражались. Он был сильнее — он всегда был сильнее. Но мне помогли. Древние встали на мою сторону. Гадара схватили, заковали в цепи и бросили в самую глубокую темницу.

Юверин замолчал.

— Но ты не убил его, — сказал Фома.

— Я не смог, — ответил Владыка, и в его голосе прозвучала горечь. — Он был моим братом. Я надеялся, что он одумается. Я надеялся, что время изменит его. Я оставил ему жизнь. А он... — Юверин поднял голову и посмотрел на Фому. — А он, я вижу, использовал эту жизнь, чтобы создать тебя.

Тишина снова повисла в зале. Фома молчал. История, рассказанная Юверином, была складной, логичной, убедительной. Но в ней были нестыковки. Гадар рассказывал другое. Он вспомнил слова Гадара, сказанные в склепе: «Всё не то чем». И ещё: «Юверин предал меня». Кто из них лгал? Кто был прав? И можно ли вообще верить вампирам, которые прожили триста лет и привыкли плести интриги, как пауки плетут паутину?

— Я должен подумать, — произнёс он, наконец. — Мне нужно поговорить с твоими людьми. С Древними. Со стражей. С теми, кто помнит те события. Если ты говоришь правду... — он выдержал паузу, — ...я приведу к тебе Гадара. Но если ты лжёшь... — его голос зазвенел металлом, — ...мы сразимся. По старым традициям. Один на один. Ты и я.

Юверин долго смотрел на него — долго и пристально. Потом его тонкие губы дрогнули, и по лицу пробежала тень усмешки.

— Мне скрывать нечего, — произнёс он. — Говори, с кем хочешь. Спрашивай, о чём хочешь. Я не боюсь правды. — Он помолчал, потом повернул голову к своему помощнику. — Ален!

Ален, всё ещё бледный как смерть, выступил вперёд.

— Да, мой Владыка.

— Выдели ему комнату, полагающуюся его статусу, — приказал Юверин. — Он наш гость. Равный мне. Пусть ему будут оказаны все почести.

— Да, мой Владыка, — повторил Ален и низко поклонился.

Фома закрыл глаза и медленно, усилием воли, начал сворачивать свою вампирскую сущность. Крылья втянулись в спину, кости хрустнули, возвращаясь в человеческую форму. Через несколько секунд он снова стоял в зале — человек в изорванном чёрном балахоне, босой, но с глазами, горящими красным огнём. И теперь никто — никто в этом зале — не смотрел на него как на раба.

Вампиры провожали его взглядами. Высшие стражи склонили головы в знак уважения. Древние, те самые Древние, что ещё минуту назад сверлили его голодными глазами, теперь смотрели на него с чем-то похожим на восхищение. Ален, надменный, холодный Ален, превратился в покорного слугу. Он подошёл к Фоме и низко, почтительно поклонился.

— Прощу вас, господин, — произнёс он, и в его голосе не было ни тени прежней насмешки. — Следуйте за мной.

Фома бросил последний взгляд на Юверина. Владыка Ночи сидел на своём троне неподвижно, и его алые глаза, горящие в полумраке, провожали гостя. В этих глазах читалось многое: любопытство, настороженность, расчёт. Но не страх. Юверин не боялся. И это, как ни странно, внушало уважение.

Фома развернулся и пошёл вслед за Аленом. Они вышли из зала, миновали тамбур со статуями летучих мышей и начали спускаться по винтовой лестнице. Ступени, стёртые тысячами ног, мелькали внизу. Факелы на стенах горели всё тем же зеленоватым пламенем, но теперь оно не казалось Фоме зловещим. Оно казалось... привычным.

Он был свободен. Амулета на шее больше не было. Сила вернулась. И где-то там, впереди, его ждала комната, достойная Барона.

А потом — разговоры. Поиски правды. И, возможно, дуэль.

Но это всё будет завтра. А сегодня он наконец-то снова был собой.

Глава 6

Разговоры с вампирами Дома Белой Луны заняли у Фомы почти весь следующий день. Он говорил с высшими стражами — теми, что стояли у ворот и на стенах, — и они, ещё вчера смотревшие на него как на грязь под ногами, теперь отвечали почтительно, хоть и с опаской. Он говорил с надсмотрщиками, что заменили Виго, — они мялись, отводили глаза и явно боялись сказать лишнего. Он говорил даже с низшими вампирами-рабами, которые жались к стенам и дрожали от одного его взгляда. Но никто — никто — не мог рассказать ему правду. Все они либо не знали подробностей, либо повторяли официальную версию: Гадар предал, Юверин спас, Древние встали на сторону Владыки.

Но один вампир, старый и дряхлый, служивший ещё во времена, когда Гадар и Юверин правили вместе, обмолвился вскользь, что на Болотах, у Змеиной заводи, стоит лагерь людоедов. Тех самых, с которыми Гадар якобы пытался заключить союз. Фома запомнил это. Людоеды могли знать правду. Людоеды могли подтвердить или опровергнуть слова Юверина. И людоеды — что было немаловажно — не умели лгать так изощрённо, как вампиры.

Он вызвал Алена.

Помощник Юверина явился почти мгновенно — видимо, ему было приказано не спускать с Фомы глаз. Он вошёл в комнату, всё такой же статный, всё в том же длинном плаще, но без прежней надменности. Его лицо, бледное и непроницаемое, выражало почтительную готовность.

— Я узнал, где свиток, — произнёс Фома без предисловий. — Тот самый, что людоеды отобрали у моего каравана.

Ален моргнул. Его багровые глаза блеснули.

— Тот свиток, что предназначался Люке? — уточнил он.

— Он самый, — кивнул Фома. — На Болотах стоит лагерь людоедов. Тех, что напали на меня. У них свиток. Нужно его вернуть.

Ален задумался. Потом его губы растянулись в холодной, хищной усмешке.

— Я соберу отряд, — сказал он.

И он собрал.

Через час у главных ворот Дома Белой Луны выстроился отряд из сорока высших вампиров. Это было зрелище, от которого даже у Фомы — выдавшего многое — пробежал холодок по спине. Сорок хищников в чёрной крокодильей броне, с длинными узкими мечами на поясах и алебардами в руках. Их вытянутые лица с горящими багровыми глазами были бесстрастны, но в их неподвижности чувствовалось нетерпение — как у своры гончих перед травлей. Длинные заострённые уши торчали в стороны, ловя каждый звук. Клыки, выглядывавшие из-под верхней губы, поблёскивали в зеленоватом свете факелов. Они стояли ровными шеренгами, плечом к плечу, и их чёрные плащи колыхались на болотном ветру, как крылья.

Ален стоял во главе отряда. Он был единственным, кто не носил доспеха, — его плащ из плотной чёрной ткани, подбитый алым шёлком, развевался за спиной, и в руке он держал всё тот же тонкий жезл с кристаллом.

Фома вышел из ворот и остановился перед строем. Сорок пар багровых глаз уставились на него. Он не стал говорить речей — они были не нужны. Он просто закрыл глаза и начал превращаться.

Кости захрустели, перестраиваясь. Позвоночник выгнулся дугой. Кожа на спине лопнула, и из разрывов, словно два чёрных паруса, вырвались огромные перепончатые крылья — каждое длиной в несколько метров, с острыми когтями на концах. Тело росло, вытягивалось, и через несколько мгновений перед строем вампиров стояла трёхметровая чёрная летучая мышь. Её шерсть была цвета безлунной ночи, густая и гладкая, и на ней не было ни единого пятнышка.

Глаза горели кроваво-красным огнём, и в их глубине пылала ярость. Когти на лапах — длинные, изогнутые, острые, как серпы, — царапали каменные плиты. А крылья... крылья были огромны. Когда Фома расправил их, они накрыли тенью весь строй вампиров, и зеленоватый свет факелов померк.

— Вперёд, — прорычал он, и его голос, низкий и вибрирующий, разнёсся над Болотами. Он взмахнул крыльями и взмыл в воздух. Сорок вампиров последовали за ним.

Их превращение было почти синхронным. Зазвучал хруст костей, затрещала ткань плащей — и через минуту над Болотами уже летела стая. Сорок одна летучая мышь, выстроившись клином, рассекала влажный, пропитанный туманом воздух. Фома летел впереди — самая большая, самая чёрная, самая смертоносная. Его крылья, размеренные и мощные, взбивали туман, оставляя за собой вихрящиеся воронки. Остальные вампиры держались позади и по бокам. Их окраска была разной: одни были серыми, как болотный мох, другие — коричневыми, как гнилая кора, третьи — бурыми с тёмными разводами. У некоторых на перепонках проступали багровые прожилки, и они светились в тумане, как тлеющие угли. Их глаза — десятки пар багровых огней — горели в сером небе, и со стороны эта стая выглядела как порождение кошмара.

Внизу проплывали Болота. Чёрная вода, кочки, поросшие чахлой травой, скрюченные деревья — всё это сливалось в размытую, однообразную картину. Лягушки, почуяв над собой хищников, замолкли. Болотные крокодилы, лежавшие на илстых отмелях, поднимали головы и провожали стаю немигающими взглядами. Змеи прятались в камыши. Даже болотные шершни, гудевшие над топью, разлетались в стороны, уступая дорогу.

Летели недолго. Лагерь людоедов показался впереди — скопление грубых, приземистых хижин, сложенных из гнилых брёвен и обмазанных глиной. Хижины стояли на островке посреди топи, окружённые частоколом из заострённых кольев. В центре лагеря горел большой костёр, и дым от него поднимался к серому небу, смешиваясь с туманом. Вокруг костра, между хижинами, двигались фигуры — огромные, неуклюжие, с кожей, похожей на дублёную мозоль.

Людоеды.

Их было около шестидесяти — мужчины, женщины, детёныши. Они занимались своими повседневными делами, не подозревая о надвигающейся угрозе. Несколько самок свежавали крокодила, подвешенного за задние лапы к перекладине. Их массивные руки, похожие на кувалды, ловко орудовали каменными ножами, и куски чешуйчатой плоти падали на глиняные блюда. Детёныши людоедов — ростом с человека, но ещё сохранившие некоторую неуклюжесть, — возились в грязи, играя костями. Самцы что-то строили: возводили ещё одну хижину, таская огромные брёвна на плечах, и их кожа, покрытая наростами, блестела от пота. Кто-то пропалывал грядки с болотными грибами. Кто-то точил колья для частокола. Лагерь жил своей жизнью — грубой, примитивной, но мирной.

И вдруг с неба ударила смерть.

Фома спикировал первым. Он сложил крылья и рухнул вниз, как чёрная молния, и его когти вонзились в спину самого крупного людоеда — того, что тащил бревно. Раздался хруст, и людоед рухнул лицом в грязь, даже не успев вскрикнуть. Фома взмыл вверх, унося в когтях кусок мяса, и тут же снова спикировал — на этот раз на самку, свежававшую крокодила. Его крылья ударили её по голове, и она отлетела в сторону, врезавшись в частокол. Колья треснули.

А следом за Фомой в лагерь ворвалась вся стая.

Сорок вампиров обрушились на людоедов с неба, как ураган из клыков и когтей. Они не издавали боевых кличей — вампиры вообще редко кричат в бою. Они дрались молча, и от этого их атака была ещё ужаснее. Визжали только людоеды.

Серый вампир с рваным ухом спикировал на самца, стоявшего у костра, и вцепился ему в плечо. Его клыки, не способные пробить шкуру, вонзились в глазницу — единственное уяз-

вимое место. Людоед заревел, замотал головой, но вампир уже рвал его лицо, выдирая куски плоти. Кровь — тёмная, почти чёрная — хлестала во все стороны.

Коричневая летучая мышь с багровыми прожилками на крыльях села людоеду на плечи — огромному самцу, который размахивал каменным топором, пытаясь отбиться. Вампир обхватил его голову передними лапами, упёрся задними в спину и рванул. Раздался влажный, хрустящий звук, и голова людоеда отделилась от тела, оставшись в когтях вампира. Тело, фонтанируя кровью, сделало ещё два шага по инерции и рухнуло.

Два вампира набросились на самку, которая пыталась бежать к воде. Один вцепился ей в ногу, другой — в руку. Они тянули в разные стороны, и плоть людоеда, не выдержав, разорвалась пополам. Внутренности вывалились на землю с влажным, чавкающим звуком.

Третий вампир, самый мелкий и юркий, носился между хижинами, убивая детёнышей. Он не церемонился — просто перекусывал им горло своими длинными, острыми клыками, и маленькие людоеды падали замертво, захлёбываясь кровью.

Кровь была повсюду. Она заливала грядки с грибами, смешиваясь с грязью. Она текла в костёр, и пламя шипело, выбрасывая в небо клубы чёрного, жирного дыма. Она стекала в болотную воду, и та становилась бурой, маслянистой. Воздух был пропитан запахом смерти — медным запахом крови, запахом разорванной плоти, запахом страха.

Некоторые людоеды пытались сопротивляться. Один самец схватил каменный топор и разможил голову вампиру, который не успел увернуться. Но тут же на него набросились трое других, повалили на землю и начали рвать на части. Другой людоед, огромный, с особенно толстой шкурой, размахивал дубиной, не подпуская вампиров. Но Фома, заметив это, спикировал сверху и ударом когтей перерубил ему позвоночник. Людоед рухнул как подкошенный.

Через час всё было кончено.

Лагерь людоедов превратился в кровавый бассейн. Хижины горели, подожжённые опрокинутым костром. Земля была усеяна трупами — изуродованными, расчленёнными, растерзанными. Кровь стояла лужами, и в этих лужах отражалось зеленоватое небо. Уцелела только одна хижина — та, что стояла в центре лагеря, — и возле неё, окружённый со всех сторон вампирами, стоял один-единственный выживший.

Вождь Гурун.

Это был огромный людоед — даже по меркам своего племени. Ростом он был почти три метра, и его кожа, покрытая буграми и наростами, напоминала панцирь. Его лицо, изуродованное старыми шрамами, было перекошено от ярости и ужаса. Одежды на нём не было, если не считать набедренной повязки из крокодильей кожи. Его руки, похожие на стволы деревьев, были скручены за спиной несколькими вампирами, но он всё ещё пытался вырваться. Шестеро высших вампиров держали его, навалившись всем весом, и их когти впивались в его шкуру, оставляя рваные, кровоточащие борозды.

Ален, принявший человеческий облик, стоял перед ним. Его плащ, заляпанный кровью, волочился по земле. Лицо его было бесстрастно, но в багровых глазах горел холодный, методичный огонь.

— Где свиток? — спросил он.

Гурун уставился на него. Его маленькие, глубоко посаженные глаза, налитые кровью, моргнули. Он явно не понимал, о чём речь.

— Какой свиток? — прорычал он, и его голос, низкий и грубый, напоминал скрежет камней.

Ален не ответил. Вместо этого он размахнулся и ударил Гуруна кулаком в лицо. Удар был сильным — вампирским, — но кулак Алена лишь скользнул по толстой, мозолистой шкуре, не причинив особого вреда. Гурун даже не покачнулся. Он только скосил глаза на Алена и осклабился — жёлтые, кривые зубы блеснули в свете горящих хижин.

— Ну, ты сам этого хотел, — произнёс Ален тем же бесстрастным тоном.
И начал избивать вождя.

Он бил его методично, размеренно, как кузнец бьёт молотом по наковальне. Удар — пауза — вопрос. Удар в живот. Гурун хрюкнул.

— Где свиток?

— Какой свиток? — взревел Гурун. — Ты что, дурачок?

Удар по рёбрам. Кулак Алена наткнулся на костяной нарост и отскочил. Ален встряхнул рукой и ударил снова — на этот раз по лицу. Гурун зарычал.

— Где свиток?!

— Какой в бездну свиток?! — заорал Гурун во всё горло, и его голос эхом разнёсся над Болотами. — Ты что от меня хочешь, летучая ты крыса?!

Фома, стоявший невдалеке, прислонившись спиной к уцелевшей хижине, начал тихо посмеиваться. Ситуация и впрямь выглядела до абсурда комично. Ален, аристократ, правая рука Юверина, методично избивал огромного людоеда, требуя свиток, которого никогда не существовало. А людоед, искренне не понимавший, чего от него хотят, орал на всё болото, обзывая своего мучителя дурачком.

— Тебе, видимо, нравится боль, — произнёс Ален и принялся лупцевать Гуруна с удвоенной силой.

Он бил его по лицу, по рёбрам, по животу. Его кулаки мелькали в воздухе, но людоедская шкура выдерживала почти всё. Только когда Ален попал в глаз, Гурун взвыл и дёрнулся так, что вампиры, державшие его, едва не разжали хватку.

— Свиток! — рявкнул Ален.

— Да нет у меня никакого свитка! — взревел Гурун. — Ты что, больной?! Тебя что, в детстве головой уронили?!

Ален ударил его коленом в пах. Гурун захрипел, но устоял.

— Свиток. Где. Он.

— Да ты посмотри на меня! — заорал Гурун, и в его голосе звенело отчаяние пополам с яростью. — У меня даже карманов нет! Куда я его спрячу, по-твоему?! В ухо засунул?!

Фома уже не сдерживался — он откровенно хохотал. Его смех, низкий и раскатистый, разносился над лагерем, и некоторые вампиры, всё ещё державшие Гуруна, начали ухмыляться. Ален же, казалось, ничего не замечал. Он был сосредоточен, как хирург, и продолжал свою методичную пытку.

Удар — по печени. Гурун икнул.

Удар — по почкам. Гурун взвыл.

Удар — по шее. Гурун закашлялся.

— Свиток!!!

— Да чтоб тебя! — взревел Гурун. — Уберите от меня этого психопата! Или убейте меня! Просто убейте! Я больше не могу!

Его лицо, всё в крови — своей и вампирской, — было перекошено. Глаза, бешеные и испуганные одновременно, бегали от одного вампира к другому. Он уже не пытался вырваться — он просто хотел, чтобы это закончилось.

Фома понял, что пора вмешаться. Он оттолкнулся от стены хижины и подошёл к Алену. Положил руку ему на плечо.

— Подожди, — сказал он. — Иди передохни.

Ален, тяжело дыша, опустил кулаки. Он посмотрел на Фому, потом на Гуруна, потом снова на Фому. Его лицо, обычно бесстрастное, выражало теперь смесь раздражения и усталости. Он явно не привык, что его пытки не приносят результата.

— Он явно что-то знает, — пробормотал Ален. — Просто не хочет говорить.

— Иди, — повторил Фома. — Я сам.

Ален помедлил, потом кивнул и отошёл. Вампиры, державшие Гуруна, напряглись, ожидая, что Фома будет пытаться его ещё более жестоко. Но Фома не стал.

Он подошёл к вождю — огромному, окровавленному, избитому, — и наклонился к самому его уху. Гурун дёрнулся, ожидая нового удара.

— Если ты мне сейчас скажешь правду, — произнёс Фома тихо, почти ласково, — я тебя отпущу.

Вождь замер. Его налитые кровью глаза уставились на Фому с недоверием.

— Ещё один психопат-кровосос, — пробормотал он. — Ты что, тоже дурачок?

— Нет, — ответил Фома. — Я тот, кто может тебя отпустить. Скажи мне: с кем у тебя был договор? С Юверином или с Гадаром?

Гурун уставился на него. Долго. Очень долго. Потом его лицо, искажённое болью и страхом, приняло странное выражение — нечто среднее между недоумением и облегчением.

— Ты что, больной? — переспросил он, но уже без прежней злобы. — Вас там всех в детстве головой вниз роняли? Какой Гадар? Какой Юверин?

— Отвечай, — произнёс Фома, и в его голосе зазвенел металл.

— Постой, постой, — вдруг забормотал Гурун, и его маленькие глазки забегали. — Постой. Ты ищешь тех, кто был здесь раньше?

Фома насторожился.

— О чём ты?

— Здесь, — Гурун обвёл взглядом разрушенный лагерь, — здесь раньше стояло другое племя. Не моё. Старое. Древнее. Они жили тут задолго до нас. Но они ушли. Ушли дальше, вглубь Болот. Туда, где Топи Плачущих Деревьев. Там что-то случилось — я не знаю что. Но они ушли. И мы заняли их место. Мы — новое племя. Мы ничего не знаем про вампиров и договоры. Мы просто живём здесь.

Фома слушал, и внутри у него всё холодело. Значит, это не те людоеды. Те, с кем договаривался Гадар или Юверин, ушли. Их нужно искать. И этот вождь — единственная ниточка.

— Где мне их искать? — спросил он.

Гурун облизнул разбитые губы. Его взгляд стал хитрым, оценивающим.

— Если отпустишь — покажу, — сказал он.

Фома выпрямился и повернулся к вампирам.

— Отпустите его, — приказал он.

Вампиры, державшие Гуруна, замерли. Они переглянулись, не веря своим ушам. Ален, стоявший поодаль, нахмурился.

— Ты уверен? — спросил он.

— Абсолютно, — ответил Фома.

Вампиры неохотно разжали хватку. Гурун пошатнулся, но устоял. Он потёр запястья, разминая затёкшие руки, и посмотрел на Фому с новым выражением — смесью недоверия, благодарности и настороженности.

— Ты странный кровосос, — произнёс он.

— А теперь, — сказал Фома, — веди.

Он повернулся к Алелу и остальным вампирам.

— Возвращайтесь в замок. Доложите Юверину, что мы уничтожили лагерь. Свиток не найден. Я отправляюсь дальше.

Ален хотел возразить, но передумал. Он видел, что спорить с Фомой бесполезно. Он коротко кивнул и махнул рукой своему отряду.

Вампиры, один за другим, начали превращаться в летучих мышей. Их тела выгибались, кости хрустели, крылья разворачивались. Через минуту стая взмыла в воздух и унеслась в сторону замка, оставив за собой лишь запах крови и дым от догорающих хижин.

Фома и Гурун остались вдвоём.

Людоед, огромный и израненный, стоял посреди разрушенного лагеря, и его глаза — маленькие, глубоко посаженные, — смотрели на Фому с угрюмым, но спокойным выражением. Он понимал, что его племя мертво. Но он был вождём. И он выжил.

— Идём, — произнёс Фома. — Показывай дорогу.

Гурун молча развернулся и зашагал в туман. Фома последовал за ним, и его чёрный балахон, изорванный и заляпанный кровью, колыхался на болотном ветру.

Впереди лежали Топи Плачущих Деревьев. Там, где обитало древнее племя людоедов. Там, где, возможно, скрывалась правда о предательстве Гадара. Или о предательстве Юверина. Или — о предательстве, которое ещё только предстояло раскрыть.

Глава 7

Гурун шёл медленно. Его огромные, похожие на стволы деревьев ноги тяжело ступали по болотной жиже, и каждый шаг сопровождался влажным, чавкающим звуком. Фома, двигавшийся рядом, уже через несколько минут начал терять терпение. Людоед был силен и вынослив, но скорость его передвижения оставляла желать лучшего — особенно для того, кто привык передвигаться либо бегом, либо полётом. Фома посмотрел на серое небо, потом на Гуруна, потом снова на небо. Решение созрело мгновенно.

— Я обернусь мышью, — произнёс он, не спрашивая, а ставя перед фактом. — Возьму тебя в когти, и полетим. Так будет быстрее.

Гурун остановился и уставился на него. На его избитом, покрытом синяками лице отразился ужас — тот самый, искренний, первобытный ужас, какой испытывают все большие и тяжёлые существа перед перспективой оторваться от земли.

— Я высоты боюсь, — пробормотал он, и его голос, обычно низкий и грубый, прозвучал почти жалобно.

— Ничего страшного, — отрезал Фома. — Меня это мало волнует. Будешь кричать — кричи громче, заодно дорогу показывай.

Гурун насупился. Его маленькие глазки сверкнули обидой, и он демонстративно отвернулся, скрестив на груди ручки. Мол, не хочешь по-хорошему — я вообще ничего не скажу. Но Фома уже не обращал на него внимания. Он закрыл глаза и начал превращение.

Кости захрустели, перестраиваясь. Позвоночник выгнулся, кожа на спине лопнула, выпуская огромные перепончатые крылья. Тело росло, вытягивалось, и через несколько мгновений на болотной тропе стояла трёхметровая чёрная летучая мышь с кроваво-красными глазами. Гурун попятился, но было поздно. Огромные когтистые лапы сомкнулись на его плечах, пронзая толстую шкуру, и людоед взвыл — не столько от боли, сколько от неожиданности.

— Ты что делаешь, летучая крыса?! — заорал он, но его крик потонул в рёве ветра: Фома уже взмахивал крыльями.

Земля ушла из-под ног людоеда. Он зажмурился и заорал — громко, протяжно, с подвыванием. Ветер ударил в лицо, свистнул в ушах. Гурун болтался в когтях Фомы, как тряпичная кукла, и его крик разносился над Болотами, распугивая лягушек и крокодилов. Он никогда не поднимался так высоко. Для него, рождённого на твёрдой земле, привыкшего месить ногами грязь, высота была чем-то запредельным, противоестественным. Он орал, зажмурившись, и не смел, открыть глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.